ПРАВО

№ 43. 1909 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„ПРАВО".

С.-Петербургъ, Владимірскій просп. д. № 19. Телефонъ 41—61.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя книги:

Л. И. Созоновъ.
Обжалованіе приговоровъ военныхъ судовъ
въ кассаціонномъ порядкѣ.
СПБ. 1910 г. Стр. 116. Цѣна 75 коп.

В. М. Гессенъ.
ПОДДАНСТВО,
его установленіе и прекращеніе.

Т. I. СОДЕРЖАНІЕ: Понятіе подданства. О терминѣ „подданство". Объ установленіи и прекращеніи подданства. Историческій очеркъ регламентаціи подданства. Современная регламентація подданства. Источники.

СПБ. 1909 г. Стр. X+448. Цѣна 3 руб.

П. П. Гензель.
НОВѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ КОММУНАЛЬНОМЪ ОБЛОЖЕНІИ
на Западѣ.
М. 1909 г. Цѣна 2 р.

- **Аничковъ, Евг.** Реализмъ и новыя вѣянія. 1909 г. Ц. 50 к.
- **Бельше, В.** Монизмъ. 1909 г. Ц. 30 к.
- **Дерюжинскій, К.** Мѣстный судъ. 1910 г. Ц. 50 к.
- **Дѣло А. А. Лопухина** въ особомъ присутствіи Правит. Сената. Стенографическій отчетъ 1910 г. Ц. 75 к.
- **Кауфманъ, А. А.** Теорія статистики. 1909 г. Ц. 2 р.
- **Купринъ, А. И.** Молохъ. Ц. 20 к.
- **Мачинскій, В.** О человѣческой культурѣ. Эскизъ соціологіи. 1909 г. Ц. 1 р.
- **Ницше, Ф.** Полное собр. сочиненій. Т. II. Несвоевременныя размышленія. Изъ посмертныхъ произведеній (1873—1875 г.). Мы филологи. Подъ ред. С. Франка и Г. Рачинскаго. 1909 г. Ц. 3 р.
- **Плевако, Ф.** Рѣчи. Т. I. 1909 г. Ц. 2 р. 50 к.
- **Подоходный налогъ.** Правительственный законопроектъ. 1910 г. Ц. 75 к.
- **Русская Мысль.** Октябрь. 1909 г. Ц. 1 р.

Савичъ, С. Е. Элементарная теорія страхованія жизни и трудоспособности. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.

- **Тимковскій, Н.** Повѣсти и разсказы. Т. VI. 1910 г. Ц. 1 р.
- **Тютрюмовъ, И.** Уставъ гражданскаго судопроизводства, съ разъясненіями. 1910 г. Ц. 7 р. 50 к.
- **Учрежденіе Государственнаго Совѣта. Учрежденіе Государственной Думы.** Карм. изд. въ мягкомъ коленк. пер. съ алфавитнымъ указателемъ. Ц. 20 к.
- **Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.** Карм. изд. въ мягкомъ коленк. перепл., съ указателемъ. Ц. 20 к.
- **Чириковъ, Е.** Блудный сынъ. Ц. 10 к. На порукахъ. Ц. 10 к. Капитуляція. Ц. 10 к.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1909 г. № 43. Воскресенье 25 Октября.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: привать-доцента *В. М. Гессена*, *І. В. Гессена*, профессора *А. И. Каминка*, *В. Д. Набокова*, профессоровъ *М. Я. Пергамента* и *Л. І. Петражицкаго*.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Финляндскій судъ и министръ юстиціи. 2) Чезаре Ломброзо. **В. Д. Набокова**. 3) Наслѣдникъ и легатарій. **С. А. Бѣляцкина**. 4) Судебные отчеты: а) Правит. сенатъ. (Засѣданіе гражд. касс. денарт. 7 октября); б) Кіевская судебная палата. (Дѣло Асланова и Зелло). 5) Изъ иностранной юридической жизни. 6) Хроника. 7) Справочный отдѣлъ. 8) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногороднято на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

При этомъ № г. г. подписчикамъ разсылается 14-й листъ рѣш. гражд. касс. департамента за 1908 г. (безплатное приложеніе).

Финляндскій судъ и министръ юстиціи.

Среди ряда мѣръ, предпринимаемыхъ за послѣднее время по отношенію къ Финляндіи и основанныхъ на своеобразномъ истолкованіи соотношенія между русскими имперскими и финляндскими мѣстными законами, характерное положеніе занимаетъ отношеніе министра юстиціи по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна. Въ немъ указываются причины, по которымъ оставлено безъ исполненія требованіе кювенепскаго уѣзднаго суда о принудительномъ приводѣ д-ра Дубровина въ качествѣ подозрѣваемаго въ соучастіи въ этомъ преступленіи. Этотъ документъ, мало освѣщенный въ нашей печати, имѣетъ весьма значительную важность: не только потому, что вслѣдствіе его финляндскій судъ былъ поставленъ въ невозможность выяснить надлежащимъ образомъ истину въ дѣлѣ о подстрекательствѣ къ убійству изъ засады, учиненномъ шайкою, влекущемъ по нашимъ законамъ наказаніе каторгой безъ срока, гдѣ, слѣдовательно, общественный интересъ, требующій раскрытія преступленія, былъ особенно силенъ,—но и потому, главнымъ образомъ, что имъ въ извѣстныхъ случаяхъ создается особая административная инстанція надъ финляндскимъ судомъ въ лицѣ русскаго министра юстиціи, контролирующая и парализирующая власть этого суда.

Чтобы точнѣе опредѣлить рамки вопроса, изъ всего «отношенія» министра мы выдѣлимъ только центральный вопросъ относительно неисполненія требованія о приводѣ д-ра Дубровина. Министръ сообщаетъ, что «исходящія изъ Финляндіи требованія, противорѣчащія русскимъ законамъ, не могутъ быть исполняемы въ силу основного правила, по которому всѣ процессуальныя дѣйствія опредѣляются законами той мѣстности, гдѣ они происходятъ, хотя бы они предпринимались для судебныхъ нуждъ другой мѣстности, иными законами управляемой». Это общее правило, выработанное, впрочемъ, международной, а не внутригосударственной практикой и знающее притомъ цѣлый рядъ исключеній, мы можемъ признать вмѣстѣ съ министромъ юстиціи. Но посмотримъ, путемъ какихъ толкованій подводятся подъ него обстоятельства даннаго случая.

Прежде всего указывается на то, что самъ финляндскій судъ долженъ при судѣ надъ жителями имперіи руководиться русскими процессуальными законами, охраняющими ихъ права. При этомъ сдѣлана ссылка на ст. 216 уст. уг. суд., гласящую: «дѣла о преступленіяхъ или

проступкахъ, совершенныхъ въ имперіи жителями губерній Царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, или въ сихъ краяхъ жителями имперіи, производятся тамъ, гдѣ совершено преступное дѣяніе, и приговоръ постановляется по законамъ того края, гдѣ рѣшено дѣло, но при этомъ судебныя установленія принимаютъ въ соображеніе права и преимущества, коими подсудимые пользуются въ своемъ краѣ». Текстъ закона (не точно приведенный въ отношеніи министра, насколько мы можемъ судить о немъ по изложенію въ періодической печати) не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что на суды въ данномъ случаѣ возлагается обязанность руководиться имперскими законами только при постановкѣ приговора, т. е. здѣсь должны быть принимаемы въ соображеніе лишь матеріально-правовые законы или (если говорить о процессуальныхъ) только тѣ законы, которые относятся до этой стадіи,—постановки приговора. Это мнѣніе лучше всего подкрѣпляется справкой съ закономъ 25 марта 1826 г., послужившимъ основаніемъ для ст. 216 по отношенію къ Финляндіи, на который ссылается и самъ министръ, не приводя однако самого текста. Выс. постановленіе «о порядкѣ слѣдствія и суда по преступленіямъ, чинимымъ въ Финляндіи россійскими обывателями и въ Россіи обывателями Финляндіи» (п. с. з. № 210, 1826 г.), по этому вопросу гласитъ:

„Ст. 14 Приговоръ надъ преступникомъ составляется по законамъ того края, гдѣ судъ надъ нимъ производится.

„Ст. 15. Но приговоры объ обывателяхъ россійскихъ, сужденныхъ въ Финляндіи, и финляндскихъ въ Россіи, пользующихся особыми преимуществами состоянія и, по законамъ той страны, гдѣ производится надъ ними судъ, подвергающихся лишенію званія или чести или тѣлесному наказанію, а въ случаѣ лишенія жизни по законамъ финляндскимъ и вообще о всѣхъ обывателяхъ россійскихъ, не приводить въ исполненіе безъ представленія на Высочайшее утвержденіе. [1])

„16 Приговоры, учиненные законнымъ порядкомъ въ одной странѣ о жителяхъ другой страны, должны быть признаваемы дѣйствительными и исполняемы во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи и Великаго Княжества Финляндіи.“

Приведенныя статьи, составляющія дѣйствующее право Финляндіи и имѣвшіяся въ виду ст. 216 уст. уг. суд., нигдѣ не указываютъ на необходимость для финляндскихъ судовъ руководиться русскими процессуальными законами и, наоборотъ, вполнѣ очевидно показываютъ, въ чемъ должно состоять «принятіе въ соображеніе правъ и преимуществъ, коими подсудимые пользуются въ своемъ краѣ».

Мы полагаемъ, что и самъ министръ долженъ будетъ отказаться отъ своей точки зрѣнія, если начать примѣнять ее послѣдовательно, имѣя въ виду процессуальные законы. Если, напр., примѣнить это толкованіе къ процессуальнымъ законамъ Царства Польскаго, о которомъ также говорится въ ст. 216 уст. (ст. 1286—1331 уст. уг. суд), то мы должны будемъ признать недѣйствительными приговоры, постановленные по ст. 1309 безъ участія присяжныхъ засѣдателей въ важнѣйшихъ дѣлахъ, такъ какъ они лишаютъ русскихъ обывателей принадлежащихъ имъ въ Имперіи правъ быть судимыми судомъ присяжныхъ. Или, напр., ст. 1315 требуетъ, чтобы слѣдователь, получившій предложеніе прокурора о задержаніи обвиняемаго, подчинился ему, хотя бы обвиняемый, по мнѣнію слѣдователя, не навлекалъ на себя достаточнаго подозрѣнія. Въ этихъ случаяхъ лишеніе свободы обвиняемаго происходитъ однимъ требованіемъ прокурора, между тѣмъ какъ по общимъ законамъ для того требуется необходимо согласіе самого слѣдователя или окружного суда. Неужели постановленный въ силу 1315 ст., актъ о задержаніи не будетъ имѣть силы по отношенію къ русскимъ обывателямъ согласно ст. 216 уст.? Мы бы пришли такимъ путемъ къ признанію особаго права внѣземельности по отношенію къ русскимъ обывателямъ во всѣхъ случаяхъ, когда они живутъ въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ особое процессуальное право. Практика никогда не слѣдовала такому взгляду, и, полагаемъ, само министерство юстиціи его не станетъ придерживаться.

Нѣтъ сомнѣнія, такимъ образомъ, что финляндскій судъ, дѣлая постановленіе о приводѣ д-ра Дубровина, долженъ былъ руководиться только финляндскими законами и никакихъ особыхъ правъ россійскихъ обывателей въ соображеніе принимать не могъ.

Переходимъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ министра, составляющимъ центральный моментъ мотивировки.

«Между тѣмъ вторично предъявленное кювенепскимъ судомъ требованіе въ отношеніи Дубровина заключаетъ въ себѣ, по моему мнѣнію,—пишетъ министръ,—нарушеніе тѣхъ гарантій, которыя опредѣлены уставомъ уголовнаго судопроизводства въ Имперіи для лицъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности. Въ силу этихъ гарантій никто по дѣлу о тяжкомъ преступленіи не можетъ быть вызываемъ въ качествѣ обвиняемаго, а тѣмъ болѣе подлежать какимъ либо стѣснительнымъ мѣрамъ въ случаѣ, когда судъ признаетъ имѣющіяся противъ него улики недостаточными, ибо, по силѣ ст. 277 и 523 уст. уг. суд., уголовное преслѣдованіе противъ такого лица должно быть прекращено. Вопреки же этому основному началу русскаго уголовнаго судопроизводства, кювенепскій судъ, сперва вызвавшій Дубровина подъ угрозой привода, а затѣмъ постановившій подвергнуть его приводу за собственный счетъ, предъявляетъ подобныя требованія русскимъ властямъ, не только признавая,

[1]) Редакція этой статьи позднѣе была измѣнена; къ словамъ „лишенія чести, званія или тѣлесному наказанію“ прибавлено „и по законамъ Имперіи подвергающихся лишенію всѣхъ правъ состоянія или къ потерѣ всѣхъ особыхъ какъ лично, такъ и по состоянію, присвоенныхъ правъ и преимуществъ или тѣлесному наказанію“ см. зак. уг. суд. т. XV 1876 г. ст. 799.

что доказательства о его виновности недостаточны, но даже не обращая вниманія на то, что, какъ видно изъ сообщенія министерства юстиціи въ канцелярію финляндскаго генералъ-губернатора отъ 1 мая с. г. за № 27897, первое требованіе означеннаго суда о вызовѣ д-ра Дубровина было оставлено русскою властью безъ исполненія, и слѣдовательно Дубровинъ не можетъ почитаться уклоняющимся отъ явки».

Въ этой части объясненій министра объединены два разнородныхъ основанія: 1) требованіе кювенепскаго суда нарушаетъ гарантіи, установленныя русскимъ уставомъ уг. суд. въ томъ, что не содержитъ указанія на достаточность уликъ; 2) кювенепскій судъ совершаетъ неправильность, требуя привода, хотя повѣстка о явкѣ не была вручена. Разсмотримъ каждое основаніе въ отдѣльности.

По уставу угол. суд. предварительное слѣдствіе начинается по законнымъ или достаточнымъ поводамъ (ст. 297), причемъ жалобы потерпѣвшихъ признаются достаточными поводами, обязывающими слѣдователя къ производству слѣдствія (ст. 303); для этой же цѣли достаточно показаній одного свидѣтеля-очевидца, хотя бы не было другихъ уликъ (ст. 298). Для призыва или привода въ качествѣ обвиняемаго не установлено какихъ либо дополнительныхъ требованій. Здѣсь имѣется только то требованіе «достаточнаго основанія» (ст. 396), о которомъ говорится при указаніи поводовъ къ возбужденію слѣдствія (ср. ст. 309, 312), Законъ требуетъ лишь соблюденія формальныхъ условій: при призывѣ обвиняемаго: повѣстка о призывѣ должна содержать точное указаніе: 1) лица, требуемаго къ слѣдствію; 2) времени и мѣста явки, 3) дѣла, по которому призывается требуемое лицо, 4) послѣдствій неявки (ст. 379). Лицо, не явившееся въ срокъ на призывъ и не представившее удостовѣренія о законныхъ причинахъ неявки, приводится къ слѣдствію; обвиняемые же въ тяжкихъ преступленіяхъ могутъ быть приводимы и безъ предварительнаго вызова (ст. 389). Приводъ совершается предъявленіемъ повѣстки такого же содержанія, какъ и повѣстка о призывѣ (ст. 390), причемъ обвиняемый приглашается слѣдовать за предъявителемъ, въ противномъ случаѣ приводится къ слѣдствію при содѣйствіи должностныхъ или частныхъ лицъ (ст. 391). Возможно прекращеніе слѣдствія слѣдователемъ «въ виду совершенной недостаточности собранныхъ уликъ» (ст. 277).

Финляндское же уложеніе въ отдѣлѣ о судопроизводствѣ гл. XI, ст. 10 постановляетъ: «въ дѣлахъ уголовныхъ тотъ, къ кому искъ предъявленъ, долженъ по приказу суда немедленно явиться къ отвѣту. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то можетъ быть приведенъ въ судъ служителями полиціи или суда».

Разсматривая наше право, мы убѣждаемся, что особаго требованія «достаточности уликъ» для вызова въ качествѣ обвиняемаго у насъ не имѣется, и повѣстка о вызовѣ вовсе не должна содержать указанія на улики; у насъ имѣются формальные поводы, обязывающіе слѣдователя къ начатію слѣдствія, и затѣмъ власть слѣдователя, если онъ признаетъ улики совершенно недостаточными, направить дѣло къ прекращенію, причемъ, конечно, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдователь можетъ предварительно направленія дѣла къ прекращенію призвать подозрѣваемаго для допроса. Никакихъ особыхъ «гарантій» въ области опредѣленія тяжести уликъ у насъ нѣтъ; разъ предварительное слѣдствіе возбуждено, то всѣ процессуальныя дѣйствія, въ томъ числѣ и привлеченіе въ качествѣ обвиняемаго, зависятъ отъ усмотрѣнія слѣдователя.

У насъ нѣтъ подъ руками резолюціи кювенепскаго суда, но изъ отчетовъ по дѣлу явствуетъ, что постановленіе о призывѣ, а позднѣе о приводѣ, д-ра Дубровина состоялось на основаніи показаній свидѣтеля-очевидца А. Пруссакова и по ходатайству повѣреннаго потерпѣвшей стороны. Эти основанія по нашему праву вполнѣ достаточны для возбужденія предварительнаго слѣдствія, и, слѣдовательно, русскій судъ могъ бы признать ихъ достаточными для призыва въ качествѣ обвиняемаго, такъ какъ у насъ особыхъ требованій въ этомъ случаѣ, какъ сказано, не установлено. Основанія, приведенныя въ резолюціи кювенепскаго суда, такимъ образомъ, нисколько не меньше «гарантій» нашего процесса. Но если кювенепскій судъ въ своей резолюціи ихъ назвалъ «недостаточными», то здѣсь приходится имѣть въ виду недостаточность совсѣмъ иного рода. Какъ извѣстно, финляндскіе суды до сихъ поръ руководятся формальной теоріей доказательствъ, при которой обвинительный приговоръ или непосредственный арестъ и заключеніе въ тюрьму могутъ состояться лишь при опредѣленныхъ по своей тяжести уликахъ (см. отдѣлъ о судопроизводствѣ гл. XVII, 1—37). Такъ полнымъ доказательствомъ являются только показанія двухъ свидѣтелей, показанія же одного свидѣтеля служатъ полудоказательствомъ (ст. 29 тамъ же). Оно недостаточно для непосредственнаго ареста, но служитъ достаточнымъ основаніемъ для призыва и привода. «Неполнота уликъ» при формальной теоріи доказательствъ вовсе не соотвѣтствуетъ «совершенной недостаточности уликъ» при системѣ свободной оцѣнки; господство же формальной теоріи доказательствъ въ Финляндіи, вѣроятно, было небезызвѣстно министру юстиціи.

Но пойдемъ далѣе и допустимъ, что постановленіе кювенепскаго суда было постановлено на основаніи «недостаточныхъ уликъ», при которыхъ русскій судъ, по мнѣнію министра юстиціи и прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, не постановилъ бы призвать кого-либо въ качествѣ обвиняемаго. Слѣдуетъ ли отсюда, что эти должностные органы вправѣ отказаться отъ исполненія опредѣленія судебной власти? Приведемъ совершенно аналогичный примѣръ ст. 1315 уст. уг. суд., разобранной выше. Здѣсь слѣдователь также постановляетъ, по предложе-

нію прокурора, о задержаніи въ качествѣ обвиняемаго, признавая «недостаточность уликъ». Но думаю, что это постановленіе было бы приведено въ исполненіе судебными органами и за предѣлами Царства Польскаго, гдѣ могъ бы находиться подозрѣваемый, безъ того, чтобы прокуроръ той мѣстности вошелъ въ обсужденіе существа уликъ. Уставъ угол. суд. совершенно категорически говоритъ о томъ, въ какой мѣрѣ должно быть провѣряемо исполнительными органами постановленіе о привлеченіи въ качествѣ обвиняемаго. Ст. 380 обязываетъ полицію (и прокуратуру, поскольку она является исполнительнымъ органомъ) возвращать судебному слѣдователю повѣстку о призывѣ или приводѣ обвиняемаго, въ которой не выполнены требованія ст. 379. Требованія эти, какъ мы видѣли, суть чисто-формальнаго характера и указаній на улики не содержатъ. Иной повѣрки законности или незаконности постановленій судебной власти со стороны исполнительной въ данномъ вопросѣ не установлено и не можетъ быть установлено безъ того, чтобы не создать особой формы административно-полицейскаго контроля за судебной дѣятельностью. Это дѣйствительно для постановленій о привлеченіи къ слѣдствію, какой бы судебной властью государства они постановлены ни были.

Въ предѣлахъ имперіи должно было быть выполнено только вручение повѣстки или предприняты мѣры привода, и въ этомъ случаѣ долженъ былъ быть соблюдаемъ порядокъ, предписываемый русскими законами. Само же судебное постановленіе правильно основано на законахъ Финляндіи. Какъ же поступаетъ министръ юстиціи? Онъ входитъ въ оцѣнку основаній этой мѣры, предоставленную только судебной власти, и притомъ финляндской судебной власти; находитъ эти основанія недостаточными и отказываетъ этой мѣрѣ въ исполненіи. Что это иное, какъ не административный контроль надъ судомъ, подрывающій всякое значеніе судебнаго постановленія и не находящій себѣ основанія въ законѣ?

Послѣ разсмотрѣнія этого вопроса, обратимся ко второму основанію: кювенепскій судъ совершилъ неправильность, потребовавъ привода, хотя повѣстка о призывѣ не была вручена. Министръ указываетъ, что такое невручение произошло намѣренно, а прокуроръ с.-петербургскаго окружнаго суда объясняетъ, что это произошло вслѣдствіе того, что въ ней содержалась угроза привести Дубровина, въ случаѣ неявки, на его собственный счетъ, что не предусмотрѣно русскими законами. Разсмотримъ, во-первыхъ, насколько законно было невручение прокуроромъ повѣстки, содержащей п р и з ы в ъ Дубровина. Съ формальной стороны повѣстка финляндскаго суда содержала всѣ данныя, требуемыя ст. 379 уст. уг. суд., въ томъ числѣ и означенное въ п. 4 указаніе послѣдствій неявки. Опредѣляя эти послѣдствія, финляндскій судъ могъ, конечно, какъ мы видѣли выше, руководиться только финляндскими законами, требованіе которыхъ онъ и выполнилъ. Даже и въ Россіи обвиняемые приводятся къ слѣдствію несмотря на ихъ личныя преимущества (ст. 396). Для русскихъ властей исполненіе ея было актомъ, который бы ни въ чемъ не заставилъ бы ихъ отступить отъ требованій русскаго закона, такъ какъ приводъ на собственный счетъ Дубровина этой повѣсткой не предписывался, а только предусматривался. Въ области международнаго содѣйствія при исполненіи судебныхъ порученій эти послѣдствія игнорируются, признаются какъ бы не существующими, если они противорѣчатъ праву страны, исполняющей поручение. Въ виду этого, напр., циркуляръ мин. юст. отъ 11 августа 1880 г. за № 15789 указываетъ, что въ повѣсткахъ о вызовѣ изъ за границы иностранныхъ подданныхъ въ русскіе суды не слѣдуетъ дѣлать указаній на взысканія за неявку ихъ по вызову, такъ какъ въ распоряженіи дѣлающаго вызовъ государства нѣтъ средствъ наложить это взысканіе. Если бы министръ юст. захотѣлъ примѣнить этотъ принципъ и къ данному случаю, онъ долженъ былъ бы игнорировать указанныя въ повѣсткѣ послѣдствія неявки, но повѣстку вручить онъ все же былъ бы обязанъ, какъ это явствуетъ хотя бы и изъ ст. 2 конвенціи по вопросамъ частнаго международнаго права 24 февраля 1899 г. (собр. уз. 1899 г. ст. 361 № 62), гдѣ основаніемъ для неисполненія можетъ быть только признаніе, что данный актъ нарушаетъ верховныя права или безопасность государства. Если этого принципа не примѣнять, то вручение повѣстки должно быть исполнено и подавно, такъ какъ формальныя требованія единственно примѣнимой здѣсь ст. 380 имѣются на лицо. Такимъ образомъ мы констатируемъ здѣсь первую неправильность—отказъ вручить повѣстку о призывѣ.

Въ виду неявки Дубровина, кювенепскій судъ, на основаніи ст. 10 гл. XI отдѣла о судопроизводствѣ вправѣ былъ постановить о приводѣ Дубровина. Но имѣетъ ли здѣсь рѣшающее значеніе то обстоятельство, что повѣстка о призывѣ не была вручена? Съ точки зрѣнія русскихъ законовъ, на которую становится министръ юстиціи, это обстоятельство не имѣетъ значенія, такъ какъ при обвиненіи въ преступленіяхъ извѣстной тяжести приводъ можетъ быть сдѣланъ и непосредственно, безъ предварительнаго вызова (ст. 389 уст. уг. суд.). Законность же постановленія съ точки зрѣнія финляндскаго закона не можетъ быть провѣряема министромъ юстиціи: это право принадлежитъ высшимъ судебнымъ мѣстамъ Финляндіи и финляндской Е. И. В. канцеляріи, чрезъ которую передается требованіе, эти учрежденія въ данномъ случаѣ никакого протеста не заявили. Такимъ образомъ и въ этомъ второмъ случаѣ у прокурора окружнаго суда и министра юстиціи не было основаній къ отказу отъ исполненія требованія о приводѣ.

Сомнѣнія возбуждаетъ только самый порядокъ привода. Прокуроръ окружнаго суда въ своемъ рапортѣ указываетъ, что «принудительнаго при-

вода кого бы то ни было на его собственный счетъ русскими законами не установлено», и «что, въ виду проживанія Дубровина въ Ялтѣ, приводъ его въ кювенепскій судъ, при наличности иныхъ законныхъ условій, возможно было бы осуществить не иначе, какъ посредствомъ заключенія его подъ стражу и пересылки затѣмъ по этапу или отдѣльно подъ конвоемъ, между тѣмъ въ той же резолюціи отъ 25 сентября уѣздный судъ нашелъ, что, въ виду недостаточности доказательствъ о его (Дубровина) виновности, законной причины къ его аресту нѣтъ».

Слѣдуетъ вполнѣ признать, что исполнительные органы русской власти въ этомъ вопросѣ о порядкѣ исполненія постановленія кювенепскаго суда должны были стать на точку зрѣнія русскихъ законовъ. На ихъ обязанности лежало только исполненіе извѣстнаго дѣйствія, а не разрѣшеніе его. Законы объ исполненіи привода опредѣляются мѣстомъ исполненія, т. е. въ данномъ случаѣ ими явятся законы русскіе. Если уст. уг. суд. не знаетъ привода за собственный счетъ приводимаго, то надлежало прежде всего допросить самого приводимаго, который могъ на это согласиться, а не возбуждать преждевременно этого вопроса, и въ случаѣ отказа выполнить приводъ за счетъ финляндскаго казначейства съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи эта сумма была уплачена, или же сообщить о томъ финляндскимъ властямъ. Въ случаѣ затрудненія подчиненныхъ органовъ министръ юстиціи долженъ былъ бы дать соотвѣтствующее разъясненіе, а не пріостановить исполненія. Другое затрудненіе, приведенное въ рапортѣ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, точно также находитъ себѣ разъясненіе въ русскихъ законахъ. Приводъ вовсе не исключаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, взятія приводимаго подъ стражу и препровожденія его по этапу (см., напр., ст. 391 уст. уг. суд.), при чемъ по формѣ онъ часто смѣшивается съ арестомъ (см. ст. 51 уст. уг. суд.). Законъ при этомъ требуетъ лишь, чтобы не было оскорбленія личности обвиняемаго (ст. 392). Такимъ образомъ потребность примѣнить мѣры принужденія въ случаѣ необходимости не устраняетъ исполненія привода. Что касается ссылки на то, что самъ кювенепскій судъ призналъ, что нѣтъ основаній къ аресту, а на самомъ дѣлѣ русскимъ властямъ пришлось бы арестовывать Дубровина, то достаточно указать, что арестъ или задержаніе обвиняемаго отличается отъ привода не по формѣ того дѣйствія, которое приходится выполнить, а по тѣмъ законнымъ предпосылкамъ, которыя имѣются у того и другого. Приводъ совершается для спеціально опредѣленныхъ судебныхъ дѣйствій по требованію судебной власти, арестъ же можетъ быть производимъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ (въ случаяхъ побѣга, задержанія на мѣстѣ преступленія и т. д.) и безъ требованія судебной власти. Приводъ совершается особо къ тому уполномоченными органами, обязанными вручить повѣстку, арестъ допустимъ со стороны всякаго органа полицейской власти. Мы думаемъ, что эти азбучныя истины не могутъ не быть извѣстными прокурору окружнаго суда и министру юстиціи, и потому приравненіе привода къ аресту только на основаніи, что онъ требуетъ извѣстнаго принужденія, намъ кажется очень страннымъ.

Наконецъ, въ рапортѣ прокурора встрѣчаемъ еще указаніе на неясность вопроса о томъ, вызывается ли Дубровинъ въ качествѣ свидѣтеля или въ качествѣ обвиняемаго. Но это сомнѣніе, не находящее себѣ опоры въ текстѣ постановленія кювенепскаго суда, вызвавшаго Дубровина въ качествѣ подозрѣваемаго, было, повидимому, отвергнуто самимъ министромъ юстиціи, не упомянувшимъ о немъ въ своемъ отношеніи.

Мы подробно остановились на всѣхъ мотивахъ, по которымъ министръ юстиціи не счелъ возможнымъ исполнить требованіе кювенепскаго суда. Разсмотрѣніе ихъ приводитъ насъ къ убѣжденію въ ихъ полной неосновательности. Министръ юстиціи долженъ былъ исполнить постановленіе, руководясь требованіями русскихъ законовъ о порядкѣ исполненія. Вмѣсто того первое требованіе о призывѣ Дубровина имъ было оставлено безъ исполненія по ссылкѣ на неточность повѣстки съ точки зрѣнія русскихъ законовъ, не имѣющую никакого юридическаго значенія, а второе требованіе о приводѣ—на основаніи оцѣнки по существу того процессуальнаго дѣйствія, предпринять которое могъ только финляндскій судъ. Разсмотрѣніемъ этого дѣйствія по существу и послѣдующимъ на основаніи этого отказомъ министръ существенно нарушаетъ право суда и подрываетъ авторитетъ судебныхъ постановленій. Законъ не знаетъ такихъ полномочій министра, и можно предположить, что не соображенія законности, а соображенія политическія были основой для дѣйствій министра въ этой области.

Въ періодической печати указывалось, что въ данномъ дѣлѣ министръ сталъ на точку зрѣнія, признающую Финляндію какъ бы самостоятельнымъ государствомъ, по отношенію къ судебнымъ дѣйствіямъ котораго только и допустима подобная провѣрка по существу. Но слѣдуетъ замѣтить, что подобныхъ полномочій у министра юстиціи не имѣется даже по отношенію къ рѣшеніямъ и постановленіямъ иностранныхъ судовъ. Въ случаѣ передачи судебныхъ актовъ или исполненія судебныхъ порученій, по существующимъ договорамъ и узаконеніямъ, возможна оцѣнка ихъ лишь съ точки зрѣнія охраненія верховныхъ правъ и безопасности государства, а не съ точки зрѣнія основательности ихъ [1]). Точно также при производ-

---

[1]) См. постановленіе гаагской конференціи 1899 г. (Собр. уз. 1899, № 62, ст. 861). Практику въ этомъ

ствѣ о выдачѣ, къ которому больше подходитъ дачный случай, такъ какъ приводъ въ качествѣ обвиняемаго не охватывается понятіемъ судебнаго порученія, а приближается къ передачѣ преступника въ распоряженіе судебной власти другого государства для примѣненія наказанія, даже при выдачѣ оцѣнка доказательствъ не производится правительствомъ страны, куда укрылся преступникъ. По заключеннымъ Россіей конвенціямъ, выдача происходитъ впредь до представленія какихъ-либо доказательствъ, по одному требованію иностранной судебной власти [1]). Только въ конвенціяхъ съ Великобританіей и Сѣв. Американскими Штатами указано, по предложенію этихъ государствъ, что выдача бѣжавшаго лица, задержаннаго въ Россіи, будетъ разрѣшена, если изъ разсмотрѣнія подлежащею властью (какой, не указано) сообщенныхъ британскимъ (или американскимъ) правительствомъ документовъ окажется, что таковые заключаютъ въ себѣ по первому взгляду достаточныя доказательства для оправданія выдачи [2]). Въ связи съ этимъ у насъ циркулярно разъяснено министромъ, что при предъявленіи великобританскимъ посломъ требованій о выдачѣ должны быть представляемы постановленія о заключеніи подъ стражу, протоколы показаній свидѣтелей и всѣ, вообще, документы, на которыхъ основано упомянутое постановленіе (цирк. 30 марта 1888 г. за № 9182). Аналогичное разъясненіе произведено для требованій о выдачѣ изъ Америки (цирк. 15 янв. 1901 г. № 1459). Но это исключеніе объясняется тѣмъ, что какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ повѣрка требованій о выдачѣ производится судебною властью, которая вполнѣ компетентна оцѣнить силу уликъ. Для Россіи же остается невыясненнымъ, какая власть является провѣряющей въ этомъ случаѣ, судебная или административная. Съ Финляндіей особыхъ трактатовъ о выдачѣ не заключено, а вопросъ регулируется требованіями закона, не допускающими возможности переоцѣнки доказательствъ со стороны министра юстиціи ни въ какомъ случаѣ [3]).

Итакъ, даже сравненіе финляндскаго суда съ судами иностранныхъ государствъ не могло бы дать подобной власти провѣрки постановленій по существу, какая сказалась въ отношеніи по дѣлу Дубровина. Здѣсь имѣло мѣсто специфическое пренебреженіе къ финляндскимъ законамъ и суду. Мы вполнѣ оцѣнили бы добрыя намѣренія министра юстиціи, если бы онъ, радѣя объ усиленіи гарантій противъ привлеченія русскихъ гражданъ въ качествѣ обвиняемыхъ безъ достаточныхъ доказательствъ, издалъ съ этою цѣлью циркуляръ, обращенный къ прокурорамъ и слѣдователямъ, рекомендуя имъ осторожнѣе обращаться съ имѣющимися у нихъ полномочіями, которыми они еще такъ недавно злоупотребляли, устраняя этимъ путемъ, подъ давленіемъ мѣстной административной власти, отъ участія въ выборахъ множество лицъ. Но если бы министръ сталъ пріостанавливать исполненіе отдѣльныхъ постановленій судовъ и судей вслѣдствіе недостаточности приведенныхъ ими уликъ, то слѣдовало бы по справедливости, опасаться какъ бы у насъ правосудіе не стало отправляться не судебною властью, а мнѣніями министра юстиціи. Пока эта теорія примѣнена только къ дѣлу Дубровина, но кто можетъ поручиться, что она не найдетъ дальнѣйшаго примѣненія, поощренная успѣхомъ перваго опыта. И если кювенепскій судъ былъ безсиленъ протестовать противъ такого расширенія власти министра юстиціи, то государственная дума должна сознать опасность подобной практики и обратиться къ министру съ запросомъ о томъ, какія законныя основанія были представлены для отказа исполнить постановленіе кювенепскаго суда о призывѣ и приводѣ д-ра Дубровина въ качествѣ обвиняемаго, и если такихъ основаній не было, то какія мѣры будутъ приняты для недопущенія подобныхъ случаевъ на будущее время.

вопросѣ и постановленія конвенціи см. И. Ивановскій. Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ. Одесса. 1889г тр. 92—108.

[1]) Фонъ-Резонъ. О выдачѣ по русскому праву Ж. М. Ю. 1903 кн. 9 стр. 193 сл.

[2]) См. ст. 11 и 12 конвенціи 12 ноября 1886 г. и ст. I протокола конференціи уполномоченныхъ Россіи и Соединен. Амер. Штатовъ.

[3]) Ст. 189 учр. суд. уст. говоритъ лишь, что сношенія происходятъ чрезъ министра юстиціи, причемъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, сношенія о выдачѣ преступниковъ происходятъ непосредственно съ мѣстными властями и лицами. Министръ юстиціи, такимъ образомъ не играетъ существенной роли, даже какъ передаточный органъ.

Чезаре Ломброзо.

«Заслуга Ломброзо и его послѣдователей заключается отнюдь не въ теоріяхъ, ими выставленныхъ, ни въ собранныхъ ими фактахъ, ни въ сдѣланныхъ ими выводахъ... Заслуга Ломброзо въ томъ, что онъ не ограничилъ антропологическаго изслѣдованія преступника изученіемъ его черепа и мозга, а расширилъ это изслѣдованіе, сдѣлавъ всего человѣка объектомъ изученія, неустанно выдвигая новыя точки зрѣнія, примѣняя новые методы. Его заслуга въ томъ, что онъ заинтересовалъ своими наблюденіями, юристовъ и просвѣщенныхъ людей и далъ энергическій толчокъ къ тому, чтобы и

уголовно-юридическая наука обратила свое вниманіе на уголовную антропологію. Итальянцы не были первыми, учившими, что человѣкъ, а не понятіе, является объектомъ кары, но они объ этомъ напомнили въ то время, когда мы, занятые Кантомъ и Гегелемъ, Фихте и Гербартомъ, Шопенгауеромъ и Э. Гартманомъ, позабыли объ основномъ принципѣ всей науки уголовнаго права. Они пробудили насъ отъ метафизическаго сна, они встряхнули окостенѣвавшую въ абстракціяхъ юриспруденцію (Begriffsjursprudenz); правда, они сдѣлали это крайне безцеремонно и съ ненужнымъ и непріятнымъ шумомъ, но результатъ оказался хорошимъ. Въ этомъ я усматриваю прочную цѣнность труда Ломброзо—l'Uomo delinquente; и ради этого мы должны, я думаю, быть снисходительны къ ошибкамъ самаго труда и къ слабостямъ его автора».

Такъ—двадцать лѣтъ тому назадъ—проф. Листъ, тогда еще находившійся въ начальномъ періодѣ своей дѣятельности, резюмировалъ свою оцѣнку научнаго значенія Ломброзо. Въ основныхъ чертахъ эта оцѣнка настолько вѣрно и мѣтко формулирована, что теперь ее можно считать ходячей. Вся послѣдующая дѣятельность только что почившаго ученаго явилась подтвержденіемъ правильности точки зрѣнія, видѣвшей главное значеніе его трудовъ не въ непосредственномъ ихъ содержаніи, а въ плодотворности того пути, на который они звали со всею властною силою глубокаго, прямо фанатическаго убѣжденія.

Этотъ фанатизмъ, эта необычайная, заразительная страстность — характернѣйшая черта Ломброзо. Ею онъ отдавалъ дань своему южному темпераменту. Въ ней, вѣроятно, слѣдуетъ искать источника промаховъ и несообразностей, которыми кишатъ его труды. Еще раньше Листа, проф. Мечниковъ, отзываясь о главномъ трудѣ Ломброзо, писалъ: «изъ всего этого громаднаго матеріала ярко выступала на видъ личность автора, фанатика, поглощеннаго одной идеей до забвенія многихъ изъ тѣхъ элементарныхъ положеній науки и логики, знаніе которыхъ безусловно предполагается у самаго зауряднаго писателя и врача».

И въ настоящее время можно считать установленнымъ, что значеніе Ломброзо для науки уголовнаго права не столько въ непосредственно добытыхъ имъ самимъ результатахъ, сколько въ данномъ имъ импульсѣ, перемѣстившемъ центръ тяжести этой науки изъ области чисто-отвлеченныхъ «умозрѣній» и философскихъ построеній въ область живой дѣйствительности, ея нуждъ и ея уроковъ. И въ этомъ—причина огромнаго успѣха основателя уголовно-антропологической школы и его быстро создавшейся славы.

Дѣйствительно, нужно вспомнить, въ какомъ положеніи находилась наука уголовнаго права въ ту пору, когда въ изданіи Atti del Instituto Lombardo съ 1871 по 1876 г. началъ выходить главный трудъ Ломброзо, сдѣлавшій его знаменитымъ. Въ той странѣ, гдѣ эта наука въ первой половинѣ XIX вѣка расцвѣла наиболѣе пышнымъ цвѣтомъ, плодотворное вліяніе доктрины Фейербаха быстро изсякло, а къ концу шестидесятыхъ годовъ гегельянское направленіе рѣшительно возобладало надъ непосредственно предшествовавшимъ историческимъ, расширивъ пропасть между теоріей и практикой права, съ одной стороны, между теоріей и жизнью, съ другой. Къ тому времени, когда объединенной Германіи предстала проблема созданія общегерманскаго уголовнаго уложенія. нѣмецкая наука, витавшая въ облакахъ туманной схоластики, забывшая о существованіи уголовно-политическихъ задачъ, оторванная отъ жизни,—оказалась безсильной и несостоятельной. Новое уложеніе не сдѣлало ни одного шага впередъ по пути разрѣшенія наиболѣе жизненныхъ запросовъ уголовной политики. Ко времени его появленія, эти запросы—для нѣмецкой науки—совершенно не существовали. Какъ всегда бываетъ, изданіе новаго кодекса дало новый толчокъ догматической разработкѣ права. Уголовно-политическая область по прежнему должна была оставаться въ тѣни. Между тѣмъ, все яснѣе и яснѣе начинало выступать сознаніе, что преступность растетъ, что карательная дѣятельность лишена всякаго прочнаго основанія, всякой цѣлесообразности, что преступникъ, живой, настоящій преступникъ—остается какимъ то иксомъ, абстрактной величиной. Долженъ былъ наступить поворотъ,—и къ этому времени какъ разъ и подоспѣли работы Ломброзо (первое изданіе «L'Uomo delinquente» отдѣльной книгой появилось въ 1878 г.), онѣ быстро стали извѣстны за предѣлами Италіи, породили цѣлую литературу сторонниковъ и противниковъ. Правда, трудно указать хотя бы одного выдающагося представителя нѣмецкой юриспруденціи, который бы воспринялъ цѣликомъ выводы Ломброзо. Но несомнѣнно, что основныя идеи итальянскаго ученаго, видоизмѣненныя и значительно расширенныя, послужили базисомъ для новаго направленія, поставившаго своей задачей изученіе преступленія, какъ явленія соціальнаго, и преступника, какъ явленія индивидуальнаго. Цѣль такого изученія—поставить борьбу съ преступностью на вполнѣ раціональную научную почву. Въ сущности говоря, къ этой задачѣ только еще приступаютъ, но уже теперь можно сказать, что возвратъ къ прежнимъ чисто-абстрактнымъ точкамъ зрѣнія—невозможенъ.

Въ нашей русской литературѣ особенно посчастливилось уголовно-антропологической школѣ. Въ ней мы находимъ рядъ выдающихся трудовъ (Д. А. Дриля, д-ра П. Н. Тарновской и др.), разрабатывавшихъ идеи Ломброзо, и наряду съ этимъ такой въ высшей степени внимательный, единственный въ своемъ родѣ по добросовѣстной тщательности критическій разборъ ученій уголовно-антропологической шко-

лы, какой данъ въ объемистомъ изслѣдованіи проф. Вульферта, и менѣе серьезный и основательный, но остроумный и блестящій критическій очеркъ покойнаго И. Закревскаго. И въ общихъ курсахъ проф. Таганцева, Фойницкаго, Сергѣевскаго удѣлено много мѣста доктринѣ Ломброзо. Въ настоящее время трудно что либо прибавить къ ихъ выводамъ. Для русской, какъ и для западно-европейской науки, теорія прирожденнаго преступника, представляющаго своеобразное сочетаніе атавизма, нравственнаго помѣшательства и эпилепсіи, въ полномъ смыслѣ слова—ein überwundener Standpunkt. И у насъ, и на Западѣ можно считать окончательно установленнымъ то—разрушительное для основного воззрѣнія Ломброзо,—положеніе, что всякое чисто-біологическое пониманіе преступленія заключаетъ въ себѣ внутренній дефектъ. Преступленіе не можетъ быть объясняемо одними лишь тѣлесными или духовными особенностями преступника. Самая мысль о существованіи антропологическаго типа преступнаго человѣка можетъ быть защищаема только при вполнѣ произвольномъ пониманіи и опредѣленіи преступнаго дѣянія. Она падаетъ сама собою, если имѣть въ виду, что далеко не всѣ безнравственные, соціально-вредные и гнусные поступки влекутъ за собою уголовную санкцію, а, съ другой стороны,—единственный признакъ, объединяющій всѣ дѣянія, предусмотрѣнныя уголовными кодексами,—чисто формаленъ. Этого достаточно, чтобы убѣдиться въ невозможности естественно-историческаго типа преступнаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку идетъ рѣчь, о такъ называемыхъ, привычныхъ преступникахъ и о наиболѣе общихъ и вредоносныхъ проявленіяхъ преступности, слѣдуетъ имѣть въ виду, что несомнѣнно установленная рядомъ научныхъ наблюденій наличность у этихъ преступниковъ многочисленныхъ атипическихъ особенностей (уклоненій отъ нормальнаго типа) точно также не даетъ права говорить о какомъ либо общемъ преступномъ типѣ. Ибо эти особенности вовсе не отличаютъ преступниковъ отъ другихъ лицъ, находящихся въ однихъ и тѣхъ же соціальныхъ условіяхъ. Дурная наслѣдственность, дурная физическая и моральная гигіена, недостаточное питаніе, раннее пробужденіе половыхъ наклонностей, алкоголизмъ и т. п.—все это могущественные факторы вырожденія, но надо быть слѣпымъ, чтобы усматривать дѣйствіе этихъ факторовъ только среди преступниковъ.

Опасность односторонняго біологически-атавистическаго объясненія преступности заключается главнымъ образомъ въ томъ, что оно закрываетъ глаза на соціальные факторы. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о вліяніи общественныхъ условій на развитіе преступности оставленъ у Ломброзо совершенно въ тѣни. И какъ только значеніе и роль этихъ соціальныхъ факторовъ оказались достаточно оцѣненными, такъ тотчасъ же обнаружилось, что здѣсь именно и лежитъ центръ тяжести въ борьбѣ съ преступностью. Оздоровленіе соціальныхъ условій сразу должно отразиться на размѣрахъ той подати, платимой обществомъ тюрьмѣ и эшафоту, о которой еще восемьдесятъ лѣтъ назадъ Кетле сказалъ, что она уплачивается съ наибольшимъ постоянствомъ.

Если такимъ образомъ въ самомъ корнѣ ученія Ломброзо о преступномъ человѣкѣ заключается недоразумѣніе, обезцѣнивающее его существенные выводы,—если при первомъ же ознакомленіи съ трудами покойнаго ученаго приходится изумляться его склонности обобщать самые ничтожные факты, придавая имъ совершенно несоотвѣтствующее значеніе (достаточно напомнить его разсужденія о «мизонеизмѣ» и «филонеизмѣ», его характеристику дѣтской психологіи, его серьезное отношеніе къ открытію одного изъ его послѣдователей, пытавшагося установить связь между антисемитизмомъ и—заболѣваніемъ сифилисомъ, и т. д., приходится констатировать отсутствіе у него критическаго чутья, если онъ менѣе всего способенъ былъ къ систематическому и объективному изслѣдованію, все же его значеніе въ научномъ движеніи послѣдней четверти прошлаго вѣка не должно быть умалено и имени его должна быть обезпечена широкая, прочная слава. Онъ былъ иниціаторомъ и новаторомъ въ такой области человѣческихъ знаній, гдѣ всего опаснѣе мертвящій духъ застоя и рутины. Созданная имъ школа изслѣдователей обогатила науку массой интересныхъ и важныхъ данныхъ. Цѣлый рядъ вопросовъ—о дѣтской преступности и мѣрахъ борьбы съ нею, объ уменьшенной вмѣняемости, объ особыхъ учрежденіяхъ для алкоголиковъ и т. п., вопросовъ, имѣющихъ большую практическую важность,—выдвинутъ и разрѣшается на основаніи тѣхъ же руководящихъ идей, которыя указалъ и отстаивалъ Ломброзо. Наконецъ, что, быть можетъ, всего важнѣе,—ученіе Ломброзо заставило критически пересмотрѣть всѣ основные принципы карательной дѣятельности, всю теорію уголовнаго права. Оно оказалось тѣмъ «тяжелымъ млатомъ», подъ чьими ударами устояли и пріобрѣли новую силу всѣ истинноцѣнные и прочные элементы криминологіи.

Ломброзо умеръ, исполненный долготою дней. Онъ сохранилъ до конца свою неутомимую энергію и трудоспособность, свою страстную любовь къ наукѣ, всю живость своего пылкаго темперамента, но отъ него нельзя уже было ожидать крупныхъ новыхъ работъ. Достойно вниманія, что однимъ изъ послѣднихъ его литературныхъ выступленій была статья, напечатанная въ одной изъ парижскихъ газетъ, по вопросу о смертной казни. Въ прежнихъ своихъ трудахъ Ломброзо приводилъ взгляды, естественно вытекавшіе изъ основныхъ его воззрѣній. Правда, онъ признавалъ, что «мягкосердечное чувство цивилизованныхъ народовъ, требующее отмѣны смертной казни, слишкомъ почтенно, чтобы оспаривать

его». Но все же, по его мнѣнію, смертная казнь является «радикальнѣйшимъ средствомъ соціальной защиты, самымъ логическимъ въ смыслѣ уголовной соціологіи и не только согласнымъ съ закономъ подбора вида, но и записаннымъ на многочисленнѣйшихъ страницахъ въ книгѣ природы». Въ указанной статьѣ Ломброзо отступилъ отъ этихъ взглядовъ. Онъ вошелъ въ ряды аболиціонистовъ, не поступившись своими убѣжденіями, но ужаснувшись тѣхъ выводовъ, которые могли быть изъ нихъ сдѣланы. Наша русская дѣйствительность для него, какъ и для многихъ единомышленниковъ въ вопросѣ о смертной казни, была хорошимъ урокомъ. Онъ увидѣлъ, во что можетъ выродиться теорія «соціальной защиты», и не выдержалъ этого зрѣлища. Отступленіе Ломброзо не было побѣдой чувства надъ разумомъ. Оно было результатомъ сознанія, что жизнью человѣческаго общества должны управлять нравственныя начала, и что тѣ мѣры нравственной политики, въ основѣ которыхъ лежитъ отрицаніе нравственной идеи, неизбѣжно приводятъ къ озвѣрѣнію и одичанію.

Въ этомъ сознаніи—существенная поправка къ уголовно-политическимъ воззрѣніямъ Ломброзо. Значеніе ея далеко выходитъ за предѣлы частнаго вопроса о смертной казни, хотя именно въ этомъ вопросѣ оно является особенно яркимъ и безспорнымъ.

Влад. Набоковъ.

Наслѣдникъ и легатарій.

11-го марта текущаго года правительствующій сенатъ, по гражданскому кассаціонному департаменту, постановилъ весьма важное, принципіальное рѣшеніе, которое должно имѣть громадное значеніе для нашей цивильной практики [1]). Сенатъ разъяснилъ, что назначеніе въ духовномъ завѣщаніи отдѣльныхъ выдачъ въ пользу даннаго лица не тождественно съ универсальнымъ правопреемствомъ и что нашъ законъ знаетъ легатъ, какъ самостоятельный институтъ.

Въ теченіе долгаго времени держалось у насъ крѣпко убѣжденіе, что русскіе гражданскіе законы не дѣлаютъ различія между наслѣдникомъ по завѣщанію и легатаріемъ, что легатарій—такой же участникъ въ наслѣдствѣ, какъ и прямой наслѣдникъ. Необходимо ли было расплачиваться по обязательствамъ наслѣдодателя,—на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ призывались наслѣдники и легатаріи. Нужно ли было предъявить искъ въ судѣ о признаніи недѣйствительнымъ духовнаго завѣщанія,—въ качествѣ отвѣтчиковъ должны были фигурировать какъ всѣ наслѣдники по завѣщанію, такъ и всѣ легатаріи, при чемъ пропускъ въ исковомъ прошеніи хотя бы одного какого-либо легатарія могъ влечь за собой отказъ въ искѣ, какъ предъявленномъ не къ надлежащему отвѣтчику. Пусть, напримѣръ, милліонное наслѣдство оставлено сыну покойнаго, но въ завѣщаніи сказано, что пара сотенъ рублей должна быть выдана доктору въ благодарность за добросовѣстный уходъ за наслѣдодателемъ передъ смертью послѣдняго: и сынъ, и докторъ одинаково считались «наслѣдниками», въ соотвѣтствующихъ доляхъ принимающими права и обязанности. Такъ смотрѣла на дѣло наша практика, такъ неизмѣнно толковалъ сенатъ. Родственники, близкіе и дальніе, крестники, часто не называемые поименно, благотворительныя учрежденія, университеты, которымъ оставляются деньги для учрежденія стипендій и пр., и пр., и пр.,—всѣ эти лица, упоминаемыя въ мало-мальски значительномъ завѣщаніи, по нашей недавней практикѣ, входятъ въ кругъ наслѣдниковъ по завѣщанію. Если бы покойный, оставившій завѣщаніе, вдругъ всталъ изъ гроба и поинтересовался, какъ поняли на землѣ его послѣднюю волю, то онъ, вѣроятно, пришелъ бы въ изумленіе, узнавъ, что, какъ наслѣдники его, трактуются въ равной мѣрѣ и племянница, которой завѣщано свыше 100 тысячъ рублей, и слуга, которому племянница должна выдать послѣ смерти завѣщателя 50 р. [1]). Что наслѣдникъ и легатарій—одинаковые участники въ наслѣдствѣ—взглядъ этотъ, опровергаемый нынѣ рѣшеніемъ сената, держался въ нашей практикѣ именно благодаря прежнимъ разъясненіямъ нашего высшаго кассаціоннаго суда. Сенатъ, который нынѣ заявляетъ, что «возложеніемъ на наслѣдника обязанности производить третьему лицу выдачу извѣстной суммы денегъ, какъ бы заключенъ договоръ между завѣщателемъ и наслѣдникомъ въ пользу третьяго лица», и конструируетъ такимъ образомъ права этихъ третьихъ лицъ—легатаріевъ, какъ права требованія къ наслѣднику, въ прежнихъ рѣшеніяхъ отвергалъ всякихъ «третьихъ лицъ» по завѣщанію, признавая только наслѣдодателя и наслѣдника. Попытки низшихъ судебныхъ мѣстъ отграничить отказополучателя отъ главнаго наслѣдника, попытки, вызываемыя нерѣдко насущными потребностями жизни, рѣшительно устранялись сенатомъ, который еще въ 1874 г. (рѣш. № 596) разъяснилъ, что въ

---

[1]) См. случай, приводимый г. Змирловымъ, О недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ, Журн. Гр. и Уг. Права 1883 г., кн. 10, стр. 56, когда нѣкто Алоизій З., умирая, отказалъ по духовному завѣщанію въ пользу племянницы своей жены все свое движимое имущество, въ томъ числѣ капиталъ на сумму 142 тысячи р., причемъ обязалъ племянницу выдать лакею Андрею 50 р. и повару Игнатію 75 р.: здѣсь были „три наслѣдника“!

нашемъ законѣ «вовсе не заключается такого правила, чтобы лица, въ пользу которыхъ завѣщатель обязалъ своихъ наслѣдниковъ денежными выдачами, ни въ какомъ случаѣ не могли считаться наслѣдникомъ по завѣщанію». Въ 1875 г. (рѣш. № 923) сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе судебной палаты по той причинѣ, что палата нашла подлежащимъ принятію къ производству исковое прошеніе, несмотря на то, что истецъ, предъявляя споръ о недѣйствительности завѣщанія, не указалъ въ качествѣ отвѣтчиковъ нѣкоторыхъ отказопринимателей. Въ 1877 г. (рѣш. № 373) разъяснено, что супругъ, получающій часть изъ имѣнія другого умершаго супруга въ пожизненное владѣніе, отвѣтственъ за личные долги наслѣдодателя соразмѣрно отношенію цѣнности права пожизненнаго владѣнія къ стоимости всего оставшагося послѣ смерти умершаго собственника имущества. Въ 1879 г. (рѣш. № 294), по поводу отвѣтственности за долги наслѣдодателя лица, которому оставленъ денежный капиталъ, сенатъ вновь подтвердилъ, хотя и косвенно, «неимѣніе въ законахъ различія между наслѣдниками и легатаріями». Не далѣе, какъ въ 1908 г. (рѣш. № 77, по дѣлу Полякова, недавно опубликованное), сенатъ призналъ, что въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ постановленій «о легатахъ, какъ объ особомъ институтѣ завѣщательнаго права, свойственномъ римскому праву и тѣмъ иностраннымъ законодательствамъ, которыя восприняли римское право», причемъ сенатъ лишній разъ указалъ, что лица, которымъ наслѣдникъ по завѣщанію обязанъ производить выдачи, должны быть разсматриваемы, какъ соучастники въ наслѣдствѣ, а не какъ кредиторы. Сенатскія рѣшенія, неизмѣнно стоявшія въ данномъ случаѣ на одной точкѣ зрѣнія, оказали свое вліяніе не только на суды и судебную практику. При начертаніи проекта наслѣдственнаго права составители гражданскаго уложенія также исходили изъ «послѣдовательно проводимаго сенатомъ воззрѣнія, что нашъ законъ не дѣлаетъ различія между наслѣдниками и легатаріями» [1]). Въ проектѣ легатаріи совершенно сравнены съ наслѣдниками, что, какъ извѣстно, составляетъ отличительную особенность нашего проекта. Въ то время, какъ въ европейскихъ кодексахъ, въ томъ числѣ и новыхъ, легатаріямъ посвящены цѣлыя главы и подробно регламентированы ихъ права, въ текстѣ нашего проекта о легатаріяхъ—ни слова. Только мотивы въ разныхъ отдѣлахъ упоминаютъ о легатахъ, говорятъ о нихъ, какъ о ненужномъ остаткѣ римскаго права, изгнанномъ нашей практикой изъ обихода.

На чемъ покоилось державшееся до сихъ поръ мнѣніе, будто нашему законодательству чуждо принципіальное различіе между наслѣдниками и легатаріями? Ссылались прежде всего на историческія основанія, на то, что древне-русское завѣщаніе не устанавливало универсальнаго преемства, что цѣлью его было распредѣленіе между наслѣдниками отдѣльнаго, входившаго въ составъ наслѣдства, имущества [1]). Историческія основанія сами по себѣ, конечно, не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія: если древній человѣкъ, составляя завѣщаніе, лишь раздавалъ составныя части своего имущественнаго благосостоянія, не заботясь объ установленіи общаго преемства, то это не значитъ, что дѣло такъ обстоитъ и теперь. Но, что всего важнѣе, ссылка на исторію неправильна и по существу. Распредѣленіе отдѣльныхъ предметовъ между наслѣдниками, знакомое не только древне-русскому завѣщанію, но и новѣйшимъ завѣщаніямъ на Западѣ и у насъ, никогда не являлось единственной формой завѣщанія на Руси. При несложности и сосредоточенности въ одномъ мѣстѣ имуществъ завѣщатель имѣетъ возможность перечислить въ завѣщаніи все, что долженъ получить послѣ его смерти одинъ и другой. Какъ то можно вывести изъ смысла подобныхъ завѣщаній, они являются очень часто исключительно раздѣломъ имущества между законными наслѣдниками. Въ древности это былъ «рядъ», который, въ сѣдую старину, въ пору господства на Руси родовыхъ началъ и принадлежности имущества цѣлой семьѣ представлялъ собой основанное на обычаѣ соглашеніе отца съ дѣтьми относительно дальнѣйшаго владѣнія въ семьѣ имуществомъ. Характерно, что и здѣсь отдѣльныя выдачи могли быть назначаемы посторонним лицамъ [2]).

Старый бытъ зналъ отказы въ пользу разныхъ лицъ, церквей и монастырей, на поминъ души, отпускъ холоповъ на волю путемъ завѣщанія и пр. [3]). «Предметы духовнаго завѣщанія,—указываетъ Неволинъ,—могли быть весьма разнообразны; назначеніе лицъ, къ которымъ должно поступить имущество завѣщателя, все или отчасти, и для того указаніе какъ требованій его противъ другихъ, такъ и долговъ его; назначеніе особенныхъ отказовъ въ пользу разныхъ лицъ, физическихъ и юридическихъ; распоряженіе о холопахъ, и въ особенности отпускъ ихъ на волю; наименованіе лицъ, которымъ поручается имѣть попеченіе о семействѣ завѣщателя; назначеніе вообще душеприказчиковъ» [4]). Древне-русскому праву извѣстны были всѣ виды завѣщательныхъ распоряженій до легата и, такъ называемаго, на западѣ возложе-

---

[1]) Гражданское уложеніе, кн. 4, наслѣдственное, право, проектъ съ объясненіями, 1903 г., стр. 373 также 284.

[1]) Проектъ, стр. 378.

[2]) См. 105 ст. „Русской Правды", карамзинскаго списка, въ которой самъ законъ-обычай опредѣляетъ такія выдачи: Аще кто умирая раздѣлитъ доли дѣтямъ своимъ, на томъ же стояти; наки ли безъ ряду умретъ, то всѣмъ дѣтемъ, а на самаго часть дати по души.

[3]) А кто стариннаго своего холопа или рабу отпуститъ на волю при себѣ, или по смерти его такихъ старинныхъ холопей по его приказу отпустятъ приказщики его: и впредь до тѣхъ людей дѣтямъ его и братіи и племянникамъ дѣла нѣтъ. Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гл. XX, ст. 53.

[4]) Неволинъ, т. 5-ый, „Исторія росс. гражданскихъ законовъ", 1857 г., стр. 288. См. также Бѣляевъ, „Историческія основы современнаго русскаго завѣщанія" Ж. М. Ю., 1903 г., № 6 стр. 72: „Жизнь съ давнихъ поръ выработала въ русскомъ завѣщательномъ правѣ явленія, напоминающія римскій легатъ".

нія,—Auflage,—включительно. И это вполнѣ естественно: существующіе виды распоряженій на случай смерти не составляютъ особенности той или иной законодательной системы. Они вытекаютъ изъ существа завѣщанія, какъ свободнаго волеизъявленія лица относительно судьбы своего имущества и имущественныхъ правъ съ различными цѣлями. Умирающій можетъ желать: обезпеченія ближнихъ и установленія преемства имущественной личности (наслѣдники); одаренія тѣхъ или иныхъ лицъ, благотворительныхъ учрежденій по щедрости, изъ благодарности, или по эгоистическимъ соображеніямъ, какъ выдачи предметовъ и суммъ далекимъ родственникамъ, училищамъ, богадѣльнямъ, слугамъ за вѣрную службу, на поминъ души (летаргіи). Она можетъ имѣть въ виду созданіе въ лицѣ наслѣдника общей обязанности безъ предоставленія кому-либо третьему гражданскаго права, какъ обязанность поставить памятникъ на могилѣ наслѣдодателя, обязанность не заниматься какимъ-либо дѣломъ, не возбуждать тяжбъ противъ духовнаго завѣщанія (возложеніе). Знакомство съ образцами древнихъ завѣщаній и древними юридическими актами убѣждаетъ, что на Руси всѣ эти распоряженія, особенно легаты, составляли часто содержаніе тестаментовъ (слова и выраженія здѣсь, конечно, роли не играютъ). При изданіи свода законовъ въ него была введена статья «Завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ денежными выдачами въ томъ только случаѣ, когда дѣлаетъ распоряженіе о своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи; когда же онъ оставляетъ имѣніе родовое, то наслѣдники его вправѣ отозваться отъ исполненія сдѣланныхъ имъ по тому имѣнію распоряженій, соединенныхъ съ утратою изъ онаго большей или меньшей части [1]). Въ настоящее время ст. 1086 X т. 1 ч., въ первой части—«завѣщатель можетъ обязывать своихъ наслѣдниковъ, впрочемъ, лишь на время жизни ихъ денежными выдачами, когда дѣлаетъ распоряженіе о своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи»—устанавливаетъ легатъ въ самомъ рудиментарномъ состояніи. Въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ для нашего несовершеннаго свода гражданскихъ законовъ, особенно если вспомнить, что о душеприказчикахъ, напр., въ томъ же сводѣ содержится только одна статья, даже одно слово (ст. 1084—духовныя завѣщанія исполняются: душеприказчиками...). Практика, основываясь на этомъ «словѣ», создала цѣлую систему правъ и обязанностей душеприказчиковъ, въ соотвѣтствіи съ потребностями жизни и теоріей права. Не было, казалось бы, препятствій къ тому, чтобы развить ученіе и о легатахъ, основываясь на скупыхъ постановленіяхъ дѣйствующаго закона. Едва ли возможно сомнѣваться, что въ ст. 1086, X т. 1 ч. законодатель фиксировалъ только частный случай назначенія легата обязаніемъ наслѣдниковъ къ выдачѣ суммы денегъ, что законодатель вовсе не имѣлъ въ виду устранить тѣ случаи, когда завѣщатель предоставляетъ одаренному не сумму денегъ, а другой предметъ или право, и притомъ прямо изъ наслѣдственной массы, минуя посредство наслѣдника. Во всякомъ случаѣ утверждать, что институтъ легата, въ отличіе отъ института назначенія наслѣдника, чуждъ русской исторіи, русскому правосознанію или праву, не приходится. Ссылаются иногда, какъ на препятствіе къ признанію у насъ легата, на постановленіе 533^9 ст. X т. 1 ч. Говорятъ: по этому закону получившій въ пожизненное владѣніе имѣніе по завѣщанію (стало быть легатарій) обязанъ уплачивать всѣ личные долги наслѣдодателя по соразмѣрности (стало быть, какъ наслѣдникъ). По мнѣнію г. Шершеневича, затрудненіе устраняется въ данномъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что «пользовладѣніе можетъ относиться ко всему имуществу, а не только къ опредѣленной вещи».

На это можно возразить, что пользовладѣніе всѣмъ наслѣдственнымъ имуществомъ есть также легатъ, а не наслѣдство. И если ссылка на 533^9 ст. X т. 1 ч. все же неубѣдительна, то это потому, что статья трактуетъ о пользовладѣніи супруга по завѣщанію въ родовомъ имуществѣ. Извѣстно, что легатарій, вообще говоря, не отвѣтственный за долги, обязанъ принять на себя эту отвѣтственность, если она установлена въ самомъ завѣщаніи. Это случается нерѣдко при назначеніи въ легатъ пользованія наслѣдственнымъ имуществомъ, связаннаго съ полученіемъ всѣхъ выгодъ и доходовъ. Въ родовыхъ имуществахъ инициативу беретъ на себя законъ, который въ огражденіе интересовъ прямыхъ наслѣдниковъ привлекаетъ къ отвѣтственности пользовладѣльца—супруга, въ предположеніи, что супругъ получаетъ узуфруктъ, если не на все, то быть можетъ, на главную часть имущества. Разъ для супруга дѣлается исключеніе изъ общихъ правилъ о незавѣщаемости родовыхъ имуществъ, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, участвовать въ платежѣ долговъ... Такова, очевидно, ratio legis. О распространительномъ толкованіи такого спеціальнаго закона не должно быть и рѣчи.

Но существуютъ, быть можетъ, другія соображенія, соображенія высшей справедливости, не допускающія принципіальнаго разграниченія легатаріевъ и наслѣдниковъ? Идея современнаго наслѣдственнаго права—идея свободной воли завѣщателя въ области своихъ имущественныхъ отношеній, совершенно устранившая господствовавшій въ старомъ (римскомъ) завѣщательномъ правѣ формальные моменты. Всѣ постановленія современнаго завѣщательнаго права, по большей части, содержатъ въ себѣ, такъ сказать, интерпреторныя нормы, имѣющія въ виду установленіе воли завѣщателя при отсутствіи прямыхъ указаній въ самомъ завѣщаніи. Если завѣщатель пожелалъ, чтобы данное лицо, не будучи его наслѣдникомъ и не получая всего имущества или квоты, пріобрѣло только опредѣленную вещь или опредѣленное право, то закону и суду прихо-

---

1) Высочайшій указъ по дѣлу Лопухиной, 18 ноября 1839 г., предоставляя владѣльцу благопріобрѣтеннаго имѣнія располагать имъ свободно и неограниченно, указываетъ, что владѣлецъ можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника, на время жизни его, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы, напримѣръ, денежныя выдачи и т. п.

дится съ этимъ считаться, не насилуя воли завѣщателя и не приписывая ему назначенія наслѣдниковъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Наши завѣщанія пестрятъ такими отдѣльными распоряженіями, когда завѣщатель, напримѣръ, назначая одного сына наслѣдникомъ, которому завѣщаетъ «все свое имущество», другимъ сыновьямъ, въ видѣ компенсаціи и для устраненія ссоръ, оставляетъ вещь, находящуюся въ наслѣдственномъ имуществѣ, въ имуществѣ самого наслѣдника или даже въ чужомъ имуществѣ, съ обязанностью пріобрѣсти эту вещь и передать легатарію. Оставляются суммы на публичныя цѣли, городскимъ общественнымъ управленіямъ, разнымъ учрежденіямъ, на разныя надобности, даже будущимъ изобрѣтателямъ общеполезныхъ вещей; оставляются предметы памяти, долговые документы, арендныя права, право на содержаніе, на алименты. Можно во всѣхъ этихъ случаяхъ считать, что мы имѣемъ дѣло съ наслѣдниками, обязанными уплачивать долги завѣщателя, а по нашему закону даже ultra vires hereditatis? Не заключается ли въ самомъ утвержденіи объ отсутствіи принципіальнаго различія между наслѣдниками и легатаріями нѣкоторая неискренность, закрываніе глазъ на внутреннюю суть институтовъ и на самыя обыденныя явленія жизни? Уже то, что завѣщатель оставляетъ данному лицу опредѣленную сумму денегъ или опредѣленную вещь, указываетъ на желаніе, чтобы эти деньги и вещь были получены «чистыми». Когда наслѣдодатель говоритъ: «завѣщаю Петру тысячу рублей» или «мои золотые часы» или «право проживать до конца дней въ моемъ домѣ», то, онъ, очевидно, полагаетъ, что Петру не будетъ необходимости дѣлать вычеты на уплату долговъ покойнаго изъ 1000 руб., часовъ или права проживать въ квартирѣ. Только въ томъ случаѣ, когда для разсчета съ кредиторами не хватило бы наслѣдственнаго имущества у наслѣдника, можно думать, что завѣщатель желалъ, чтобы легатаріи участвовали въ уплатѣ долга или ограничивались меньшимъ сравнительно съ назначеннымъ имъ въ завѣщаніи, а то и совсѣмъ устранились бы по общему правилу добросовѣстнаго гражданскаго оборота: сначала долгъ, потомъ даръ. Nemo liberalis, nisi liberatus. Говоря о безотвѣтственности легатаріевъ за долги, надо, стало быть, понимать эту безотвѣтственность такимъ образомъ, что легатарій не отвѣчаетъ, какъ наслѣдникъ, но отвѣчаетъ въ размѣрѣ полученнаго при невозможности для кредиторовъ получить съ прямыхъ наслѣдниковъ, вѣрнѣе, отдаетъ въ этомъ случаѣ весь легатъ или часть его кредиторамъ. По общему правилу, права кредиторовъ наслѣдодателя имѣютъ преимущество передъ правами отказопринимателей. Это правило выражено expressis verbis въ нѣкоторыхъ законодательствахъ [1]), но оно само собою разумѣется, какъ вытекающее изъ существа легата. Въ числѣ возраженій противъ легата приводится обыкновенно тотъ доводъ, что легатъ связанъ съ несправедливостью въ отношеніи кредиторовъ наслѣдственной массы, не имѣющихъ права обращать взысканія на имущество, доставшееся легатаріямъ. Именно это соображеніе пользы кредиторовъ въ значительной мѣрѣ руководило раньше нашимъ сенатомъ при признаніи равноправности легатаріевъ и наслѣдниковъ. По мнѣнію сената, поддерживаемому нѣкоторыми цивилистами [1]), разграниченіе въ данномъ случаѣ вело бы къ тому, что наслѣдодатель могъ бы въ ущербъ кредиторамъ, все цѣнное имущество раздать, какъ легаты. Этимъ кредиторы лишены были бы возможности получить удовлетвореніе, вопреки 1529 ст. X т. 1 ч., объявляющей недѣйствительными договоры, коихъ побудительная причина—причиненіе ущерба кредиторамъ. Но недобросовѣстность возможна во всѣхъ случаяхъ: противъ нея нужно бороться соотвѣтствующими мѣрами, а не умерщвленіемъ живыхъ институтовъ. Позволительно спросить: существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ реальная опасность для интересовъ кредиторовъ, разъ они не лишаются права, какъ мы видѣли, обращать взысканіе на легатъ при неполученіи долга съ наслѣдника? Пока не удовлетворены кредиторы или не предвидится возможности ихъ удовлетворенія, до тѣхъ поръ, строго говоря, нѣтъ, вѣдь, и легатовъ. Легатъ получается изъ имущества, которое достанется наслѣдникамъ. Если легатаріи успѣли получить свои отказы, они для кредиторовъ—отвѣтчики, но отвѣтчики «запасные»: при неоплатности наслѣдника имъ дѣлается призывъ. Конечно, можно итти дальше и утверждать, что кредиторъ не долженъ быть устраненъ отъ прямого обращенія взысканія на то имущество, которое онъ выберетъ, хотя бы это былъ «запасный» легатъ. Но есть ли необходимость съ такимъ ригоризмомъ защищать интересы кредиторовъ, во многихъ случаяхъ могущіе изъ «правъ» превратиться въ простую прихоть? Смерть лица неизбѣжно вліяетъ на экономику покойнаго, съ паденіемъ личности большею частью распадается имущественная сфера, и для кредитора должна быть достаточна возможность получить долгъ въ какомъ бы то ни было порядкѣ. Такой возможности правила о легатахъ его не лишаютъ. Законъ говоритъ ему: «Твой должникъ умеръ, найди продолжателя его имущественной личности и, если тамъ не получишь, приди къ легатаріямъ—возьми ихъ легаты». Съ другой стороны, не надо забывать, что кредиторамъ приходится здѣсь имѣть дѣло съ обоюдоострымъ мечемъ. Вѣдь ихъ положеніе можетъ значительно ухудшиться, если имъ придется каждый разъ уже сразу обращаться ко всѣмъ легатаріямъ и дробить свой долгъ между наслѣдниками, получающими все наслѣдство, лакеемъ, получающимъ 100 р., множествомъ лицъ, часто совершенно неизвѣстныхъ, получающихъ разныя суммы, и, вдобавокъ, одаренными, которымъ отказаны такія выгоды, какъ освобожде-

---

[1]) Германское гражданское уложеніе, § 1967 Dernburg, das Bürgerliche Recht, Deutsches Erbrecht. 1905, § 207, швейцарское гражданское уложеніе, § 564.

[1]) См. Полетаевъ, „Право“, 1901 г., № 10. стр. 569 „О завѣщательныхъ отказахъ въ нашихъ дѣйствующихъ и будущихъ законахъ“.

ніе отъ поручительства (и это можетъ быть предметомъ легата). Не лучше ли «постепенность» [1])?

Указываютъ, что трудно установить отличительные признаки легата и что его неизбѣжно приходится опредѣлять отрицательно, какъ не наслѣдство. Но изъ сказаннаго выше вытекаетъ, что легатъ именно и есть нѣчто отрицательное по отношенію къ наслѣдству, что онъ является доставленіемъ данному лицу имущественной выгоды по завѣщанію безъ назначенія его наслѣдникомъ [2]). То, что легатарій есть лицо, получающее, не будучи наслѣдникомъ, даетъ возможность устраненія затрудненій, нерѣдко связанныхъ съ назначеніемъ наслѣдника. Такъ какъ кредиторы не заинтересованы въ извѣстности лица легатарія, то широко допустимы легаты альтернативные, назначенія въ пользу лицъ, выборъ которыхъ, между нѣсколькими, принадлежитъ третьему лицу, назначенія въ пользу разныхъ въ общей формѣ указанныхъ благотворительныхъ и общественныхъ установленій безъ того, чтобы при принятіи легата необходимо было каждый разъ испрашивать разрѣшенія начальства. Вотъ почему такъ разросся на Западѣ институтъ легата, и рѣдкое завѣщаніе обходится безъ него. Легатъ—излюбленная форма назначенія. Понятно, насколько неправильно возраженіе, приводимое противниками института легата, въ томъ числѣ составителями нашего проекта наслѣдственнаго права, будто легатъ на Западѣ является только подражаніемъ древне-римскому праву, остаткомъ прежнихъ временъ. Будь легатъ только реликвіей древности, онъ давно умеръ бы на Западѣ, какъ умерли другіе правовые институты, цѣплявшіеся за старину и выметенные въ настоящее время изъ сферы западноевропейскаго права. Если легатъ пустилъ глубокіе корни, не исчезъ, а далеко раскинулъ вѣтви во всѣ стороны, то это объясняется тѣмъ, что онъ соотвѣтствуетъ современной жизни, а не римской. Постановленія о легатахъ содержатся не только въ тѣхъ кодексахъ, въ которыхъ, какъ въ саксонскомъ уложеніи, прусскомъ земскомъ правѣ, наслѣдованіе построено по образцу римскаго права. требовавшаго, какъ обязательнаго условія, чтобы въ завѣщаніи назначенъ былъ наслѣдникъ, caput et fundamentum testamenti, а ужъ послѣдній былъ лично обремененъ выдачами, вплоть до выдачи всего наслѣдства—универсальный фидеикоммиссъ. Регламентированъ этотъ институтъ и въ наслѣдственномъ правѣ

---

[1]) Я уже не касаюсь другихъ „третьихъ лицъ“, не-кредиторовъ, тѣхъ лицъ, которыя желаютъ предъявить искъ о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ и которымъ, по разъясненіямъ сената, приходится привлечь въ качествѣ отвѣтчиковъ „всѣхъ наслѣдниковъ“. Всегда ли найдешь этихъ отказополучателей, крестниковъ безъ наименованія, бѣдныхъ родственниковъ безъ поименнаго перечисленія, „благотворительныя цѣли“, сиротъ et tutti quanti? А между тѣмъ вызовъ этихъ лицъ въ качествѣ прямыхъ отвѣтчиковъ по тяжбамъ наслѣдниковъ о недѣйствительности завѣщанія едва ли непреложенъ при условіи признанія ихъ правъ, какъ легатаріевъ (4 ст. уст. гражд. суд.).

[2]) Проф. Шершеневичъ считаетъ легатъ „распоряженіемъ, которымъ изъ всей совокупности отношеній, составляющихъ наслѣдство, извѣстному лицу предоставляется одно или нѣсколько правъ“. Это положительное опредѣленіе легата, даваемое почтеннымъ профессоромъ, страдаетъ большой неточностью. Совокупность отношеній, составляющихъ наслѣдство,—есть, очевидно, „наслѣдство“. Но права могутъ быть предоставлены легатарію изъ имущественныхъ отношеній, лежащихъ внѣ наслѣдственной массы, когда отказывается вещь чужая, которую наслѣдникъ долженъ купить и передать легатарію, когда возлагается на самого наслѣдника обязанность совершить дѣйствіе въ пользу одареннаго. Не совсѣмъ ясно, кромѣ того, о какихъ правахъ идетъ здѣсь рѣчь, имущественныхъ, личныхъ или иныхъ. Вспомнимъ права душеприказчиковъ, узаконеніе путемъ завѣщанія, не составляющее легата, legatum liberationis, т. е. освобожденіе въ завѣщаніи дебитора отъ долга, являющееся отказомъ и не совсѣмъ совпадающее съ понятіемъ „предоставленіе права“. Опредѣленіе г. Шершеневича близко подходитъ къ опредѣленію, даваемому § 2004 саксонскаго гражданскаго уложенія („Wer in Vermogensrechte eines Verstorbenen, als einzelne, kraft letzten Willens oder Erbvertrages eintritt ist Vermächtnissnehmer“), по отношенію къ которому было замѣчено, что оно не даетъ вѣрнаго отличія наслѣдника отъ легатарія. Французскіе законы, а за ними и французская доктрина, характеризуютъ легатъ (legs á titre particulier) съ отрицательной стороны, какъ нѣчто, отличающееся отъ общаго правопреемства (legs universel, legs à titre universel). Code civil, art 1010, Laurent, Principes de droit civil, 1893, t. 13, § 525, см. также Planiol, Traité elementaire de droit civil, t. 3, 1908 p. 659. Первый проектъ германскаго гражданскаго уложенія, слѣдуя Code civil, устанавливалъ понятіе легата также по отрицательнымъ признакамъ. Но вторая комиссія, какъ видно изъ протоколовъ, руководилась „стремленіемъ избѣгнуть чисто отрицательнаго опредѣленія“ (Protokolle der Kommission für die zveite Lesung des Entwurfes des Bürgerlichen Gesetzbuchs, V., S. 6). Въ результатѣ получилось опредѣленіе смѣшаннаго характера: Наслѣдодатель можетъ по завѣщанію предоставить другому, не назначая его наслѣдникомъ, имущественную выгоду (отказъ). Итальянскій юристъ Galogero Gangi, монографія котораго—I. Legati nel diritto civile Italiano con riguarop alla giurisprudenza, al diritto romano ed alle moderne legislazioni, 1908 является пока единственнымъ почти самостоятельнымъ изслѣдованіемъ въ области современнаго легатарнаго права и упоминаетъ даже русскіе гражданскіе законы, опредѣляетъ легатъ, какъ имущественное доставленіе посредствомъ акта послѣдней воли, не имѣющее предметомъ совокупность или одну долю имущества того лица, которое его совершаетъ, и не заключающее поэтому назначенія наслѣдника. Il legato é una attribuzione patrimoniale per atto di ultima volonta non avente per obietto l'universalita od una quota dei beni di Chi la fa e non constituente quindi instituzione di erede (p. 19, 16, e seg). Dernburg, Deutsches Erbrecht, S 186, характеризуетъ легатъ: „Ein Vermächtnis ist eine freigiebige Zuwendung von Todes wegen die nicht Erbeinsetzung ist“. Многіе писатели, установивъ признаки наслѣдства, находятъ затѣмъ совершенно достаточнымъ замѣтить, что всякое иное завѣщательное распоряженіе по имуществу въ чью-либо пользу есть легатъ, что, въ общемъ, можетъ быть признано правильнымъ.—Легатъ строго отграничивается отъ наслѣдственной квоты, т. е. наслѣдованія въ части, $^1/_2$, $^1/_3$ и т. д., выражаемаго часто въ завѣщаніи въ формѣ назначенія опредѣленныхъ предметовъ, когда, напр., отецъ, перечисливъ все свое имущество, распредѣляетъ его между двумя сыновьями (каждому сыну по имѣнію, одному мельница, другому — фабрика). Въ этомъ случаѣ съ внѣшней стороны имѣются „отдѣльныя доставленія“, какъ въ легатахъ, а съ внутренней — универсальное правопреемство, чего въ легатѣ никогда не бываетъ.

Code Civil, покоющемся отчасти на совершенно противоположномъ началѣ исключительно родственнаго наслѣдованія (Deus solus heredem facere potest, non homo) и именующаго главнаго наслѣдника по завѣщанію только «общимъ легатаріемъ». Даже англійское наслѣдственное право, выросшее на своеобразномъ корнѣ, въ настоящее время, послѣ вѣковой борьбы за завѣщательную свободу, широко признало легатаріевъ: legatee general, legatee pecuniary, legatee special. Они отличаются отъ универсальнаго преемника, «главнаго легатарія» по завѣщанію, получающаго весь остатокъ изъ рукъ исполнителя-ликвидатора (обязательнаго въ Англіи въ каждомъ случаѣ завѣщанія).

За долги покойнаго отвѣчаетъ, при отсутствіи имущества, особо для этого предназначеннаго (assets), сначала «главный легатарій», затѣмъ отвѣчаютъ частные легатаріи. Въ отношеніи исполнителя Stephen указываетъ [1]): «Дѣло executor'a прежде, чѣмъ выдать легаты, замѣтитъ, если ли достаточный фондъ для уплаты долговъ, и поступитъ согласно древнему правилу: «de bonis defuncti primo deducenda sunt ea quae sunt necessitatis et postea quae sunt utilitatis et ultimo quae sunt voluntatis» [2]). Заключаютъ постановленія о легатѣ также Германское уложеніе и Швейцарскій кодексъ, въ которыхъ легатъ далеко ушелъ отъ римскаго образца, съ его сухимъ формализмомъ,—сообразно новымъ требованіямъ жизни, свободѣ завѣщаній, развитію экономическихъ отношеній, развѣтвленію и расширенію имуществъ и имущественныхъ правъ. Нѣтъ никакого основанія утверждать, что русскому праву слѣдуетъ въ этомъ отношеніи стоять уединенно, что намъ должно быть чуждо разграниченіе легата и наслѣдства въ то время, какъ такое разграниченіе существуетъ во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ и оказывается полезнымъ и жизненнымъ [3]). *С. Бѣляцкинъ.*

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) New Commentaries on the laws of England, 1899, t. 2, p. 208.

[2]) Въ Англіи, то и дѣло, приходится читать о крупныхъ суммахъ, завѣщаемыхъ, кромѣ разныхъ лицъ и учрежденій, на спеціальныя цѣли, даже на содержаніе животныхъ, (bequests for the benefit of animals или, какъ ихъ въ Англіи иногда называютъ, legacies for pets). Интересующихся отсылаю къ Daily Chronicle, 5 Aug. 1909, въ которой сообщается, между прочимъ, о завѣщателяхъ, оставившихъ своимъ служащимъ на содержаніе своихъ собакъ единовременно значительныя суммы и ежегодныя ренты отъ 12 до 26 фунтовъ стерлинговъ.

[3]) На необходимость отличать легатарія отъ наслѣдника указали у насъ прис. пов. округа варш. окружн. суда въ отзывѣ на проектъ книги четвертой гражданскаго уложенія о наслѣдственномъ правѣ. См. сводъ замѣчаній, 1904 г., стр. 218. Горячо ратуетъ за легатъ г. Башмаковъ. (Быть или не быть понятію завѣщательнаго отказа въ русскомъ законодательствѣ, „Ж. М. Ю.“, 1901 г., № 7), разсматривающій, впрочемъ, вопросъ больше съ высотъ соціальныхъ проблемъ въ области наслѣдованія, чѣмъ съ точки зрѣнія юридическихъ основаній института. Признаетъ легатъ отчасти и г. Анненковъ. Отказы по духовному завѣщанію, „Ж. гр. и уг. пр.“, 1892 г. № 1.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правит. Сенатъ.

(Засѣданіе гражд. касс. деп. 7 октября).

I.

1) Можетъ ли быть признанъ не торговымъ договоръ объ общей эксплоатаціи арендуемаго нефтеноснаго участка съ продажею какъ добытой нефти, такъ и ея продуктовъ;

2) возможно ли признаніе договора полнымъ товариществомъ, если не обусловлено дѣйствіе товарищей подъ общимъ наименованіемъ и если общность дѣйствій и отвѣтственности поставлена въ зависимость отъ взаимнаго въ каждомъ случаѣ согласія участниковъ;

3) можетъ ли участникъ указаннаго договора предъявить искъ къ новому арендатору объ уничтоженіи договора въ соотвѣтственной части, притомъ безъ привлеченія къ отвѣту собственника участка.

Заарендовавъ у алханъ-юртовскаго станичнаго общества, терской области, нефтеносный участокъ, Русановскій принялъ Долгополова въ качествѣ полнаго товарища въ отысканіи, разработки и продажи нефти, но затѣмъ предложилъ ему, въ виду незначительности остававшихся въ кассѣ товарищества суммъ, ликвидировать дѣло и, вопреки протесту Долгополова, передалъ права на арендованный участокъ „грозненскому нефтепром. товариществу А. Русановскій“, впослѣдствіи переименованному въ первое грозненское нефтепром. товарищество. Предъявленный затѣмъ Долгополовымъ къ Русановскому и грозненскому товариществу искъ объ уничтоженіи сдѣлки между отвѣтчиками въ отношеніи права истца на совмѣстную аренду участка въ размѣрѣ причитающейся ему доли предпріятій—сорока процентовъ и о признаніи товарищества недобросовѣстнымъ владѣльцемъ сказаннаго права истца—былъ тифлисскою суд. палатою признанъ подлежащимъ удовлетворенію по слѣд. основаніямъ. Непривлеченіе къ отвѣту алханъюртовскаго общества и областного правленія не можетъ быть поставлено въ вину истцу, ибо искъ ничѣмъ не затрагиваетъ интересовъ правленія или общества, передъ которыми отвѣтственнымъ лицомъ, въ силу первоначальнаго договора съ Русановскимъ, попрежнему оставался этотъ послѣдній. Во всякомъ случаѣ названныя учрежденія могли сами вступить, а отвѣтная сторона—просить о привлеченіи ихъ въ качествѣ третьихъ лицъ. По существу требованіе Русановскаго о ликвидаціи дѣла вслѣдствіе предусмотрѣнной договоромъ потери 3/5 складочнаго капитала—представлялось неправильнымъ, какъ видно уже изъ того, что за уступку своихъ правъ товариществу Русановскій получилъ отъ него сумму въ три раза превышавшую весь складочный капиталъ, а товарищество въ теченіе 5 лѣтъ добыло 11 милліоновъ пудовъ нефти. Неуважительно и указаніе отвѣтчиковъ на несоблюденіе при совершеніи договора требованій ст. 67 и 68 уст. торг. изд. 1895 г., ибо во-1-хъ, несоблюденіе этихъ формальныхъ требованій не лишаетъ товарищескій договоръ силы въ отношеніи къ самимъ участникамъ (4 дек. 1890 г. № 393); а во-2хъ, разсматриваемый договоръ является хотя и договоромъ полнаго товарищества, но не можетъ быть признанъ торговымъ, т. е. и по предмету и по цѣли заключеннымъ по торговлѣ и для торговли (4 дек. 1877 г. № 881). Неправильно, наконецъ, и указаніе грозненскаго товарищества на необязательность для него договора между Долгополовымъ и Русановскимъ на томъ основаніи, что товариществу не было будто бы извѣстно о совершеніи такового: о дѣйствительномъ положеніи дѣла товарищество, при надлежащей осмотрительности, могло ознакомиться изъ многочисленныхъ заявленій Долгополова областному правленію, затѣмъ оно само получило объявленіе отъ Долгополова о его претензіи, и, наконецъ, ни въ ка-

кихъ справкахъ не было въ сущности и надобности ибо директоромъ - распорядителемъ товарищества былъ тотъ же Русановскій, который, конечно, былъ прекрасно освѣдомленъ объ истинномъ положеніи вещей.

Въ касс. жалобѣ и словесномъ объясненіи передъ прав. сенатомъ повѣренный грозненскаго товарищества, прис. пов. Шефгель, указывалъ, что палата признала Долгополова соарендаторомъ, соучастникомъ товарищества,—которое съ нимъ ни въ какія договорныя отношенія не вступало,—притомъ безъ согласія собственника, и все это на основаніи договора между Долгополовымъ и Русановскимъ, каковой договоръ палата квалифицируетъ какъ договоръ полнаго товарищества и не торговый. И то и другое едва ли правильно.

Торговыми являются не только сдѣлки продажи для перепродажи,—какъ полагаетъ палата въ силу одного рѣшенія прав. сен.; товарищество почитается торговымъ, когда предметъ его есть производство торговыхъ дѣйствій (ст. 56 уст. торг.); отысканіе же и разработка нефти, и продажа не только нефти, но и ея продуктовъ, притомъ какъ на арендуемомъ участкѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, которыя будутъ заарендованы,—такое соглашеніе есть безспорно договоръ о дѣйствіяхъ торговыхъ; таковыми они являются и съ точки зрѣнія положеній о промысловомъ налогѣ.

Не можетъ, далѣе, быть здѣсь рѣчи о договорѣ полнаго товарищества, предполагающаго наличность трехъ признаковъ—общее наименованіе, единство дѣйствій товарищества и солидарная отвѣтственность его участниковъ. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ общаго наименованія, ибо товарищество, состоящее изъ Долгополова и Русановскаго, не есть товарищество Долгополовъ и Русановскій. Нѣтъ и полномочія одного товарища дѣйствовать общимъ именемъ товарищества, ибо опредѣленіе договора о томъ, что акты, контракты и проч. должны подписываться обоими товарищами, свидѣтельствуетъ, вопреки мнѣнію палаты, не о совмѣстности и общности дѣйствій, а о началѣ прямо противоположномъ,—ни одинъ изъ товарищей не можетъ дѣйствовать безъ особаго каждый разъ согласія другого соучастника. Здѣсь имѣется то отношеніе, которое въ иностранной литературѣ квалифицируется какъ особый видъ не оглашеннаго участія въ дѣлѣ stille gesellschaft. А между тѣмъ указанные признаки полнаго товарищества существенны именно въ виду отношеній его къ третьимъ лицамъ. Нельзя создавать такое положеніе, что общество вкладываетъ въ предпріятіе огромные капиталы, успѣшно развиваетъ дѣло, въ началѣ не представлявшее никакой цѣнности, а затѣмъ черезъ много—въ данномъ случаѣ черезъ семь лѣтъ являются никому до того неизвѣстные претенденты на участіе въ прибыляхъ, единственно въ силу нигдѣ не опубликованнаго соглашенія съ прежнимъ арендаторомъ предпріятія. Палата утверждаетъ—и это относится также къ имѣющему не одно только юридическое значеніе вопросу о добросовѣстности владѣнія товарищества,—что послѣднее не могло не знать о договорѣ съ Русановскимъ, который былъ директоромъ-распорядителемъ товарищества; но извѣстность какого либо обстоятельства директору не равносильна знанію о немъ товарищества,—Русановскій вѣдь могъ быть заинтересованъ именно въ томъ, чтобы товарищество не узнало о его соглашеніи съ Долгополовымъ.

Прис. пов. Винаверъ, поддерживая интересы той же стороны, объяснилъ, что самая формулировка иска, цѣликомъ удовлетворенная палатою, представляется явно неправильною. Если изъ двухъ товарищей одинъ вышелъ изъ предѣловъ правъ, предоставленныхъ ему договоромъ, или передалъ то, чего онъ передавать не могъ, то искать надо только съ него же, и искъ можетъ быть направленъ либо на возмѣщеніе убытковъ, либо въ крайнемъ случаѣ на виндицированіе отчужденной вещи, возвратъ того, что было отдано неправильно; но ни въ коемъ случаѣ невозможно—какъ это сдѣлала палата въ настоящемъ дѣлѣ—навязать арендатору соарендатора, „допустить къ совмѣстной эксплоатаціи“. Это совершенно невозможное положеніе въ данномъ случаѣ осложняется еще тѣмъ, что то лицо, которое палата надѣлила такимъ обязательнымъ соучастникомъ въ дѣлѣ, есть акціонерное общество, имѣющее свой уставъ, свой порядокъ веденія дѣла, отчетности, распредѣленія прибылей и т. д. Трудно себѣ даже представить, какъ будетъ функціонировать это акціонерное общество, имѣя обязательнаго товарища въ дѣлѣ въ 40% и—въ лицѣ предъявившаго искъ прежняго вкладчика по договору съ Русановскимъ и Долгополовымъ—также и принудительнаго вкладчика. Искъ въ той формѣ, въ какой его удовлетворила палата, направленъ такимъ образомъ не на возстановленіе прежняго, хотя бы даже неправомѣрно нарушеннаго положенія, а на включеніе третьяго лица въ чуждое для него предпріятіе,—притомъ лица, которое и по первоначальному договору съ своимъ контрагентомъ было въ лучшемъ случаѣ субъ-арендаторомъ. Явно неправильно и признаніе палатою владѣнія грозненскаго общества „недобросовѣстнымъ“. О добросовѣстности владѣнія недвижимостью вообще можетъ быть рѣчь только тогда, когда оно оспаривается другимъ законнымъ владѣльцемъ или собственникомъ (ст. 523 и 529 т. X ч. 1), но отнюдь не въ спорѣ между арендаторомъ и субъ или соарендаторомъ, и тѣмъ болѣе когда—какъ въ настоящемъ случаѣ—отвѣтчику представлено право единоличной аренды съ согласія собственника, который съ другой стороны не пожелалъ признать истца своимъ арендаторомъ. Палата присудила убытки и признала владѣніе недобросовѣстнымъ, т. е. опять-таки источникъ взысканія убытковъ, и притомъ солидарно съ Русановскаго и товарищества, коковую солидарность палата основываетъ на новомъ и трудно объяснимомъ понятіи—„солидарной передачѣ“ нефтеноснаго участка. Такого основанія солидарной отвѣтственности законъ не знаетъ.

Къ этимъ соображеніямъ присоединился третій повѣренный той же стороны, прис. пов. Браславскій.

Повѣренный истца, прис. пов. Гомолицкій, ходатайствуя объ оставленіи жалобы безъ послѣдствій, указалъ, что не палата своимъ рѣшеніемъ „создала“ въ лицѣ Долгополова новаго арендатора, а собственникъ участка—областное правленіе, разрѣшившее Русановскому создавать товарищества, каковымъ разрѣшеніемъ Русановскій воспользовался. Долгополовъ такимъ образомъ съ самаго начала былъ такимъ же арендаторомъ какъ Русановскій. Отвѣтчики усложнили дѣло цѣлымъ рядомъ вопросовъ, собственно для основного вопроса значенія не имѣющихъ, какъ вопросъ объ обязанности договора Русановскаго съ Долгополовымъ для грозненскаго товарищества; дѣло не въ обязанности договора для третьихъ лицъ, а въ томъ, что Русановскій не имѣлъ права односторонне передать промыселъ, передача была и незаконна и недобросовѣстна, и, стало быть, Долгополовъ долженъ быть возстановленъ въ своихъ правахъ, что и сдѣлала палата.

Требованіе объ уничтоженіи договора только въ части, касающейся истца, не вызываетъ затрудненій ни фактическихъ, ни юридическихъ (гр. касс. деп. 1897 г. № 44).

Прис. пов. Ледницкій, защищая интересы той же стороны и останавливаясь на вопросѣ о характерѣ договора Долгополова и Русановскаго, объяснилъ, что палата совершенно правильно классифицировала договоръ какъ неторговый, ибо добыча нефти и продажа ея относится къ сферѣ оборота промышленнаго, а не торговаго. Торговля, какъ область товарообмѣна, и промышленность, какъ сфера отношеній производственныхъ, отнюдь не должны быть смѣшиваемы или отождествляемы. И если въ нашемъ

законодательствѣ есть указанія, какъ бы свидѣтельствующія о такомъ смѣшеніи (п. 3 ст. 41 уст. суд. торг.), то это относится къ тому времени, когда промышленность у насъ вообще не играла замѣтной роли; съ развитіемъ же промышленнаго оборота несомнѣнно измѣнился и взглядъ законодателя, который всюду говоритъ о торговлѣ и промышленности. очевидно не сливая, а наоборотъ противополагая эти понятія. Торговыми, какъ это санкціонировано и правит. сенатомъ, должны быть поэтому признаваемы только сдѣлки, спеціально отнесенныя къ этой категоріи (1905 г. № 25). Едва ли правиленъ и методъ кассаторовъ исходить, при рѣшеніи дѣла, изъ тѣхъ послѣдствій, какія удовлетвореніе иска можетъ имѣть для противной стороны или даже для предполагаемыхъ интересовъ промышленнаго оборота; исходить надо изъ юридическихъ отношеній сторонъ, которыя несомнѣнно представляются въ такомъ видѣ, что между Долгополовымъ и Русановскимъ, какъ и этимъ послѣднимъ и станичнымъ обществомъ, существовалъ договоръ аренды.—Арендный же договоръ имѣетъ вещный характеръ, обязательность товарищескаго договора для грозненскаго общества въ настоящемъ случаѣ уже предрѣшена прав. сенатомъ при отмѣнѣ первоначальнаго рѣшенія по дѣлу. Моменты, характеризующіе недобросовѣстность владѣнія отвѣтчиковъ, фактически установлены палатою, и соображенія кассаторовъ с томъ, кому и въ какой моментъ стало извѣстно о претензіи Долгополова, едва ли могутъ подлежать кассаціонной провѣркѣ.

Повѣренный той же стороны, прис. пов. Кистяковскій, указалъ, что если исходить не изъ воображаемаго договора товарищества вообще, а изъ даннаго договора между Русановскимъ и Долгополовымъ, то не можетъ подлежать спору, что Русановскій не имѣлъ права по собственному усмотрѣнію отчудить предпріятіе и не могъ передать грозненскому товариществу больше правъ, чѣмъ онъ самъ имѣлъ. Арендное право, какъ это теперь общепризнано, является если не jus in re, то во всякомъ случаѣ jus ad rem (въ нашемъ законодательствѣ ст. 521, 514 т. X ч. 1), а Долгополовъ былъ арендаторомъ, какъ это въ сущности признано правит. сенатомъ въ первомъ рѣшеніи по настоящему дѣлу, и его арендное право обязательно поэтому и для грозненскаго товарищества.

Тов. оберъ-прокурора О. А. Ферсманъ полагалъ признать жалобу уважительною лишь въ отношеніи признанія владѣнія отвѣтчиковъ недобросовѣстнымъ; самый вопросъ о добросовѣстности могъ бы возникнуть лишь въ случаѣ спора со стороны собственника или другого законнаго владѣльца. Остальныя указанія кассаторовъ не уважительны. Относительно непривлеченія къ дѣлу станичнаго общества палата установила, что общество въ настоящемъ дѣлѣ заинтересовано не было. Торговыми сдѣлками могутъ быть признаны лишь прямо указанныя въ законѣ въ качествѣ таковыхъ. Признаніе договора между Русановскимъ и Долгополовымъ договоромъ полнаго товарищества—неправильно, но неправильность эта не существенна, ибо палата установила, что договоръ ничего противнаго закону не содержитъ, а при этомъ условіи дѣйствительность договора по общему правилу не зависитъ отъ соблюденія тѣхъ или иныхъ формъ при его совершеніи.

Рѣшеніе палаты отмѣнено по нарушенію ст. 569, 2129 и 1691 т. X ч. I, ст. 4, 339 и 711 уст. гр. суд. и ст. 2 и 3 устава грозненскаго нефтепром. товарищества А. Русановскій.

II.

Тѣ же вопросы возникли по иску къ тѣмъ же отвѣтчикамъ Блессига, принятаго Долгополовымъ и Русановскимъ въ качествѣ вкладчика съ правомъ на 20% чистой прибыли предпріятія и просившаго о признаніи сдѣлки Русановскаго съ грозненскимъ товариществомъ ничтожною въ отношеніи права истца на указанные 20% прибыли. Рѣшеніе палаты, коимъ въ признаніи сдѣлки ничтожною отказано, но за истцомъ признано право на участіе въ 20% въ прибыляхъ товарищества—отмѣнено по нарушенію ст. 569 и 570 т. X ч. I, ст. 339 и 711 уст. гр. суд. и § 3 уст. грозненск. нефтепром. товар. А. Русановскій.

Кіевская судебная палата.

(*Дѣло Асланова и Зелло* [1]).

По приводѣ свидѣтелей къ присягѣ начинается судебное слѣдствіе.

Свид. Корженевскій передаетъ подробно обстоятельства, сопровождавшія первый и второй арестъ Целендера.

Во время пребыванія Целендера въ сыскномъ отд., послѣ ареста его въ город. театрѣ, свидѣтель только разъ видѣлъ Асланова въ комнатѣ „привода“, когда тотъ, проходя мимо агентовъ, заявилъ: „сейчасъ будетъ итти король карманщиковъ“. Целендеръ назвалъ себя при задержаніи Овсѣемъ. Извѣстно ли было Асланову, что настоящее имя задержаннаго Целендеръ,—свидѣтель не знаетъ. Агенты—всѣ безъ исключенія говорили, что Овсѣй—Целендеръ. Когда Целендера проводили черезъ комнату привода, Зелло погасилъ свѣтъ. Зелло же и вывелъ его изъ сыскного отдѣленія. Целендеръ въ первый свой арестъ не былъ зарегистрированъ потому, что онъ былъ задержанъ „безъ дѣла“. Второй же разъ, когда онъ былъ арестованъ съ брилліантовой булавкой въ театрѣ, его „пересняли“ и записали въ книгу.

Отвѣчая на вопросы сторонъ, свид. разъясняетъ, что регистрація преступниковъ въ отдѣленіи производилась, обыкновенно, безъ спеціальнаго распоряженія Асланова. Свид. въ бытность Асланова нач. сыскного отдѣленія состоялъ въ должности пом. завѣдующаго антропометрическимъ кабинетомъ, на его попеченіи находились, между прочимъ, альбомъ съ фотограф. карточками преступниковъ и регистраціонный алфавитъ. Исчезновеніе въ алфавитѣ страницы на букву Г. свид. замѣтилъ лишь послѣ того, какъ на это обратилъ его вниманіе агентъ Ивлевъ.

Ивлевъ,—говоритъ свид.,—видѣлъ, какъ Асланов, сидя въ антропометр. кабинетѣ, когда тамъ никого не было, рылся въ карточкахъ и алфавитѣ; послѣ этого и исчезли карточка Герштейна и страница на букву Г. Однако, другіе агенты сообщили ему, что видѣли роющимся въ антропометр. кабинетѣ самого Ивлева. Асланов никогда не заходилъ въ кабинетъ. Зелло и агенты часто просматривали альбомъ и алфавитъ.

Тов. пр. Когда выяснилась пропажа карточки Герштейна?

Корженевскій. Послѣ ареста Асланова.

Можетъ быть,—Ивлевъ, а не Асланов, похитилъ карточку Герштейна и вырвалъ листы изъ алфавита?

— Не знаю... Ивлевъ потомъ говорилъ объ Асановѣ: „Это я его засыпалъ, пусть не ругается по-матерному“.

Предсѣд. Что значитъ „засыпалъ“?

— Значитъ выдалъ, ложно оговорилъ...

Амханицкій. Кто завѣдывалъ у васъ столомъ привода?

— Полѣщукъ.

— Значитъ регистрація лежала на его обязанности?

— Да!..

— Много ли осталось агентовъ, служившихъ при Асановѣ?

— Трое. Остальные 12—15 человѣкъ были удалены „за неблагонадежность“.

---

[1]) См. „Право“, № 42.

— Слѣдовательно, Асланову приходилось работать съ „неблагонадежными“ служащими?

— Да!..

Изъ дальнѣйшаго опроса свид. выясняется, что нѣкоторые изъ уволенныхъ агентовъ поступили на службу въ другіе города и вѣдомства. Такъ, Ивлевъ гдѣ-то служитъ помощникомъ начальника тюрьмы.

Амханицкій. Какого мнѣнія были окружающіе объ Ивлевѣ?

Корженевскій. Плохого: „обиралъ карманщиковъ, бралъ взятки, есть дѣло, нѣтъ дѣла—все равно“...

Тов. прок. Развѣ можно строить характеристику агента на мнѣніи карманщиковъ?

— До нѣкоторой степени можно...

Зелло. Ивлевъ былъ извѣстенъ у насъ, какъ „блатъ“... не правда-ли?

Корженевскій. Да!..

Изъ объясненій свид. видно, что „блатъ“—это агентъ, съ которымъ воры дѣлятся.

Асланова свид. характеризуетъ, какъ человѣка честнаго, но неопытнаго и потому находившагося подъ вліяніемъ Зелло и вѣрившаго всему, что говорили ему агенты.

Свид. Ткачевъ, б. агентъ, разсказываетъ, какъ задерживали Целендера во второй и третій разъ. Свид. доказываетъ, что Асланов не могъ не знать, что Овсѣй и Целендеръ одно и то же лицо. Онъ самъ далъ Асланову фотогр. карточку, сообщивъ ему, что Целендера только что привели въ сыскное отдѣленіе. Но Асланов отнесся къ его заявленію сдержанно.

Тов. прок. А вы раньше видѣли Целендера?

— Видѣлъ по карточкѣ. Когда его привели къ намъ, всѣ говорили: „Целендера привели“. Вѣдь это не то, что всероссійскій воръ, а, такъ сказать, всемірный...

Свид. подробно передаетъ о встрѣчѣ съ Герштейномъ и Поповымъ въ купеческомъ клубѣ. „Гастролеры“ эти, какъ ихъ назвалъ свид., пріѣхали тогда въ Кіевъ на „контракты“, съ одной стороны, и слѣдомъ за Вяльцевой, съ другой.

Я—говоритъ свид.—о своихъ наблюденіяхъ сообщилъ агенту Дыдыкало, который попрекнулъ меня за то, что я не задержалъ Герштейна и Попова. Но можно ли было мнѣ арестовать ихъ, когда я видѣлъ, что съ Герштейномъ въ клубѣ разговаривалъ Зелло. Однѣ непріятности вышли бы.

Свид. слѣдилъ за „гастролерами“, узналъ, что они остановились въ гостинницѣ „Марсель“.

Свид. докладывалъ о своихъ наблюденіяхъ по начальству, го ему, обыкновенно, предлагали „не совать своего носа, куда не слѣдуетъ“.

Свид. о хипесникахъ тоже не разъ докладывалъ Асланову, но безуспѣшно. Хипесникъ Эпштейнъ даже бывалъ въ сыскномъ отд. и о чемъ-то бесѣдовалъ подолгу съ Аслановымъ. Арестовать замѣченныхъ хипесниковъ онъ не рѣшался, такъ какъ говорили, что они даютъ начальнику „полезныя свѣдѣнія“. Какъ-то разъ свид. задержалъ хипесника Котова, но Асланов отпустилъ его, накричавъ на свидѣтеля за то, что онъ задерживаетъ людей „безъ дѣла“.

Тов. пр. Выходитъ, стало быть, что преступника, дающаго „полезныя свѣдѣнія“, у васъ не было принято арестовывать?

Ткачевъ. Ну да... конечно; но если такой воръ попадался съ поличнымъ, то его задерживали...

Тов. прок. Такимъ образомъ, изъ вашихъ словъ вытекаетъ, что Асланов и Зелло находились въ преступныхъ сношеніяхъ съ Целендеромъ, Берштейномъ и хипесниками?

Ткачевъ. Я ничего не знаю. Можетъ быть, такъ и обстояло дѣло...

Амханицкій. А вы и теперь служите агентомъ?

Ткачевъ. Нѣтъ...

— Уволены за взятку въ 3 руб.

Свидѣт. молчитъ; затѣмъ послѣ короткой паузы отвѣчаетъ:—Да, уволенъ. Но что изъ того! Любченко тоже теперь уволенъ.

Зелло. Помните, свид., я какъ-то говорилъ вамъ, что на васъ жаловалась одна хипесница, у которой вы взяли самоваръ?

Предсѣд. Этотъ вопросъ не относится къ дѣлу.

Отвѣчая на вопросы сторонъ, Ткачевъ, между прочимъ, говоритъ, что Асланов часто бывалъ въ квартирѣ сожительницы хипесника Эпштейна, гдѣ встрѣчался съ Целендеромъ.

Тов. прок. Итакъ, вы утверждаете, что Асланов и Зелло покровительствовали хипесникамъ?

Ткачевъ. Можетъ быть...

Амханицкій. Эпштейнъ жилъ въ Кіевѣ и при Рудомъ?

— Да!..

— И теперь живетъ? На дняхъ вы его нигдѣ не встрѣчали?

— Встрѣчалъ...

Свид. Галковскій, Падалка и Горчинскій даютъ показанія, оправдывающія Асланова.

По мнѣнію свид. этой категоріи, возможно, что Асланов могъ дѣйствительно не знать Целендера и искренне признавать человѣка, задержаннаго сначала въ город. театрѣ, а потомъ въ театрѣ Крамского Овсѣемъ. Всѣ три свидѣтеля утверждаютъ, что Асланов былъ несвѣдущъ въ сыскномъ дѣлѣ и находился подъ вліяніемъ Зелло.

Между прочимъ, Амханицкимъ задается вопросъ Падалкѣ, бывали ли когда-нибудь ревизіи сыскного отдѣленія за время его 12-лѣтней службы?

— Нѣтъ! Ревизій, кромѣ ревизіи въ 1908 г., не бывало.

Въ засѣданіи 29 сент. первымъ далъ показаніе свид. Мышевскій, бывшій агентъ при Аслановѣ.

Тов. прок. Состоя на службѣ въ Кіевѣ, не обратили ли вы вниманія на частыя кражи въ банкахъ?

— Да!..

— Не чувствовалась ли въ этихъ кражахъ рука Целендера?

— Собственно, кражъ въ банкахъ во время Асланова было мало. Случались, главнымъ образомъ, полученія по подложнымъ чекамъ. Но Аслановымъ были приняты энергичныя мѣры, и шайка жуликовъ скоро была выловлена..

— Не разговаривали вы когда-нибудь съ Аслановымъ о Целендерѣ?..

— Разговаривалъ...

— Карточки Целендера вы не выписывали изъ петерб. сыскного отдѣленія?

— Да... мною была выписана карточка.

— Объ Эпштейнѣ вы что-нибудь знали?

— Эпштейнъ извѣстный хипесникъ. Онъ постоянно бывалъ въ отдѣленіи, какъ во время Асланова, такъ и раньше, и послѣ. Мнѣ говорили, что онъ сообщаетъ начальнику отдѣленія „полезныя свѣдѣнія“...

Амханицкій. Сколько служащихъ было при Аслановѣ?

— Около 20 человѣкъ..

— А теперь сколько осталось?

— Человѣка четыре...

— Гдѣ же остальные въ настоящее время находятся? Напр., Полѣщукъ?

— Подъ судомъ...

— Шаповаловъ?

— Въ тюрьмѣ...

— Казановъ?

— Недавно арестованъ.

— А Идельзонъ?

— Преданъ суду...

— Такіе сослуживцы могли вводить въ заблужденіе Асланова?

— Несомнѣнно...

— Производились ревизіи сыскн. отдѣленія?

— Нѣтъ!..

— Вы, свид., не знаете: Эпштейнъ не высланъ изъ Кіева?

— Эпштейнъ продолжаетъ... Я вчера его видѣлъ въ Кіевѣ.

Читается показаніе отсутствующаго свид., б. агента Кунцѣвича, изъ котораго видно, что Кунцѣвичъ, видѣвшій ранѣе Целендера въ Москвѣ, опозналъ его въ Кіевѣ въ город. театрѣ, о чемъ имъ немедленно было сообщено Асланову. Послѣдній при свид. позвалъ Зелло и приказалъ ему задержать Целендера и его компаньона. Зелло взялъ съ собой агента Воскобойникова и отправился въ театръ, гдѣ и арестовалъ воровъ. Какъ поступилъ Аслановъ съ задержанными, — Кунцѣвичъ не знаетъ. Нѣсколько дней спустя ему пришлось встрѣтиться съ Целендеромъ въ ресторанѣ, который говорилъ ему, что Аслановъ выпустилъ его потому, что онъ, Целендеръ, пообѣщалъ ему открыть крупныя кражи. Вторично Кунцѣвичъ видѣлъ Целендера тогда, когда его привели въ сыскное отдѣленіе изъ дворцоваго участка. Целендеръ былъ въ комнатѣ привода. И тогда Аслановъ черезъ эту комнату при немъ не проходилъ.

Пом. прис. пов. Бурштейнъ разсказываетъ о похищеніи у него булавки въ театрѣ и о своемъ визитѣ на слѣдующій день въ сыскное отдѣленіе, гдѣ его убѣждали не составлять протокола, „такъ какъ все равно ничего изъ этого не выйдетъ“.

Предсѣд. Съ кѣмъ вы говорили въ сыскномъ отдѣленіи?

— Съ Аслановымъ и какимъ-то агентомъ.

— На скамьѣ подсудимыхъ вы его не видите?

— Нѣтъ! Зелло тогда совсѣмъ не было.

Тов. прок. Убѣждая васъ не подымать дѣла, не говорилъ ли вамъ этотъ агентъ объ аналогичномъ случаѣ съ нимъ?

— Агентъ разсказалъ мнѣ, что у него какъ-то на Крещатикѣ мальчишка вытащилъ изъ кармана никелевые часы, но онъ отнялъ ихъ у него, отпустивъ воришку на свободу. Случай этотъ, очевидно, долженъ былъ послужить для меня примѣромъ.

— А больше никто вамъ въ сыскномъ отдѣленіи не разсказывалъ о такомъ же случаѣ съ нимъ?

— Не помню...

Оглашается показаніе Бурштейна, данное суд. слѣдователю, изъ котораго видно, что вторымъ лицомъ, разсказавшимъ ему исторію съ мальчикомъ, былъ самъ Аслановъ.

Амханицкій. Не приходилъ ли кто-нибудь къ вамъ съ просьбой прекратить дѣло при условіи, что Овсѣй за это внесетъ опредѣленную сумму на благотворительныя дѣла?

— Съ такой просьбой приходили къ моему родственнику...

Свид. передаетъ содержаніе своего разговора съ Аслановымъ въ съѣздѣ, когда судили Овсѣя. Аслановъ говорилъ, что по справкамъ, наведеннымъ имъ, Овсѣй—честный человѣкъ.

Предсѣд. Кто былъ изъ свидѣтелей по вашему дѣлу въ съѣздѣ, помимо Асланова и Зелло?

— Какой-то Санъ-Фесто...

— Вы его раньше не встрѣчали?

— Нѣтъ!..

Демонстрируется карточка Фастовскаго, зарегистрированнаго въ сыскномъ отд. въ качествѣ мошенника.

Свид. узнаетъ „Санъ-Фесто“, удостовѣрявшаго въ съѣздѣ, что онъ знаетъ Овсѣя, какъ честнаго и порядочнаго человѣка.

Вызывается свид. Мышевскій. Ему предъявляется та же карточка. Взглянувъ на нее, свидѣтель отвѣчаетъ:

— Это извѣстный мошенникъ Фастовскій.

Предсѣд. Могли ли не знать Фастовскаго Аслановъ и Зелло?

Свид. отвѣчаетъ неопредѣленно.

Свид. Камаевъ (мир. судья) показываетъ, что когда имъ разбиралось дѣло объ Овсѣѣ, обвинявшемся въ кражѣ булавки у Бурштейна, явились въ качествѣ свид. Аслановъ и Зелло, удостовѣрившіе, что Овсѣй—честный человѣкъ, торговецъ брилліантами.

Тов. прок. Потерпѣвшій былъ Бурштейнъ?

— Да!.. Сначала явился частный повѣр. Бурштейнъ, который, какъ оказалось потомъ, не былъ потерпѣвшимъ. Въ разговорѣ со мной Бурштейнъ объяснилъ, что пом. прис. пов. Бурштейнъ, у котораго была похищена булавка, его братъ, что послѣдній считаетъ дѣло раздутымъ и намѣревается прекратить его, такъ какъ узналъ, что Овсѣй—порядочный человѣкъ.

Предсѣдатель съѣзда кіевскихъ мир. судей А. И. Хайнацкій показываетъ, что, заинтересовавшись ролью Асланова и Зелло, которую они играли въ дѣлѣ Овсѣя во время разбора его мировымъ судьей, онъ вызвалъ ихъ въ качествѣ свид. къ разбору того же дѣла въ съѣздѣ по апелляц. жалобѣ Овсѣя. Аслановъ и Зелло подъ присягой подтвердили свое показаніе, данное мир. судьѣ.

Тов. прок. Оба подсудимыхъ показали, что за Овсѣемъ никакихъ дѣлъ не числится въ сыскномъ отдѣленіи, или одинъ изъ нихъ?..

— Кажется, это говорилъ одинъ Аслановъ.

Тов. прок. Не скажете ли, какое впечатлѣніе на васъ произвели показанія Асланова и Зелло: какъ показанія достовѣрныя или недостовѣрныя?

— Я не повѣрилъ имъ; лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что, утвердивъ приговоръ мирового судьи, съѣздъ призналъ необходимымъ измѣнить мѣру пресѣченія по отношенію къ Овсѣю, заключивъ его подъ стражу.

Част. пов. Бурштейнъ. Явился ко мнѣ неизвѣстный человѣкъ и сказалъ: вы обвиняете Овсѣя въ кражѣ, между тѣмъ онъ не въ состояніи это сдѣлать.. Потомъ пришла дама, жена обвиняемаго, и тоже мнѣ говорила, что ея мужа безвинно судятъ. Наконецъ, пришелъ человѣкъ, назвавшійся Овсѣемъ, и просилъ разъяснить его дѣло. „Меня, сказалъ онъ, хорошо знаетъ прис. пов. Извѣковъ: онъ будетъ моимъ защитникомъ“. Овсѣй просилъ пойти къ Бурштейну и спросить, въ чемъ дѣло, почему его обвиняютъ?

Я, объясняетъ далѣе свид., пошелъ къ прис. пов. Бурштейну, оказалось—не тотъ. Когда я пошелъ къ Бурштейну, пом. прис. пов., онъ мнѣ прямо сказалъ, что Овсѣй—воръ.

Потомъ я опять видѣлъ Овсѣя и сказалъ ему, что Бурштейнъ считаетъ его „фактическимъ воромъ“. Овсѣй попросилъ еще разъ пойти къ Бурштейну и дать ему 500 р. на благотворительныя дѣла, только бы онъ отказался отъ обвиненія.

Бурштейнъ денегъ не взялъ. А сказалъ: пусть въ тюрьмѣ посидитъ, будетъ для другихъ примѣръ..

Бывш. нач. сыскн. отд. Рудой заявляетъ, что онъ не помнитъ подробностей дѣла, и потому проситъ задавать ему вопросы.

Тов. прок. Вы никогда не говорили съ ч. п. Бурштейномъ о Целендерѣ?

— Однажды, встрѣтившись съ нимъ въ трамваѣ, мы дѣйствительно имѣли разговоръ о Целендерѣ. Бурштейнъ говорилъ, что онъ знаетъ Цел. Объ этомъ онъ говорилъ послѣ разбора дѣла Овсѣя въ съѣздѣ мир. судей.

— Была ли у васъ въ отдѣленіи карточка Целендера?

— Была. О Целендерѣ знали всѣ агенты, хотя въ Кіевѣ его и не приходилось задерживать...

— Не разскажете ли, какъ обыкновенно у васъ производилась регистрація преступниковъ?

Свид. разсказываетъ, какъ задерживаются преступники по участкамъ, какъ они доставляются въ сыскное отдѣленіе, сортируются тамъ и заносятся въ книги, въ случаѣ же надобности подвергаются антропометрическому и дактилоскопическому измѣренію.

Карточки съ преступниковъ снимались въ нѣсколькихъ видахъ и экземплярахъ и тщательно охранялись, такъ какъ наблюдались постоянныя хищенія ихъ. Негативы хранились въ особой кладовой, куда никто не допускался. Карточки и данныя антропометр. измѣненія хранились въ особомъ шка-

фу, дѣлившемся на двѣ половины: въ одной половинѣ преступники были разсортированы по роду преступленій, въ другой—по алфавиту. Когда задержанные доставлялись въ участокъ, то наводились справки, и затѣмъ задержанные отправлялись обратно въ участокъ, съ протоколами объ ихъ задержаніи, на которыхъ писалось, имѣетъ ли что либо за задержаннымъ сыскное отдѣленіе.

Тов. прок. Приходилось ли вамъ задерживать Герштейна?

— Нѣсколько разъ задерживали, снимали и подвергали антропометрическому измѣренію...

Тов. прок. Не разскажете ли вы, что вамъ извѣстно о хипесныхъ кражахъ?

— Хипесныя кражи очень развиты въ Кіевѣ. Но борьба съ ними невозможна, такъ какъ потерпѣвшіе, обыкновенно, воздерживаются отъ заявленій, боясь огласки. У насъ было зарегистрировано 20—25 лицъ, занимавшихся хипесными кражами. Не зная, какъ бороться съ ними, въ 1903 г. я представилъ губернатору ходатайство о высылкѣ 23 хипесниковъ, но безуспѣшно. Мы знали даже квартиры хипесниковъ, а все-таки не могли подвергать ихъ задержанію. Если отъ хипесниковъ не было житья, то тогда расправлялись съ ними по домашнему: разстраивали ихъ квартиры, хватали, отводили на вокзалъ и высылали.

Б. агентъ Полѣщукъ завѣдывалъ „столомъ привода". Въ ноябрѣ изъ дворц. уч. былъ приведенъ задержанный въ театрѣ, назвавшійся Овсѣемъ.

— Но я его узналъ по карточкѣ,—это былъ Целендеръ. Я его такъ и спросилъ: „Вы—Целендеръ"? Онъ смутился и говоритъ „да". Такъ я его и записалъ, а потомъ доложилъ начальнику. Изъ кабинета начальника вышли агенты и съ интересомъ смотрѣли на Целендера, потомъ пришелъ Зелло и говоритъ что Целендеръ это только кличка, а фамилія—Овсѣй. Минутъ черезъ двадцать Асланов собственноручно удостовѣрилъ, на присланномъ изъ участка дознаніи, что это Овсѣй... Всего видѣлъ Целендера я два раза. И когда первый разъ его привели Воскобойниковъ и Зелло, то Зелло потушилъ лампочку, чтобы мы, агенты, не видѣли лица задержаннаго.

Тов. прок. Было ли распоряженіе Асланова не задерживать воровъ на контрактахъ?

— Кажется, было. Но это вполнѣ естественно Агенты, задерживая воровъ и отправляя ихъ въ сыскное отдѣленіе, сами не являлись. Выходили недоразумѣнія. Начальнику самому приходилось разбираться. Потому и могло послѣдовать такое распоряженіе. Въ квартирѣ-кофейнѣ Котова, гдѣ собирались хипесники, Асланов и Зелло, дѣйствительно, бывали.

Амханицкій. Что побудило васъ Овсѣя записать Целендеромъ?

— Показывали мнѣ карточку его раньше. Узналъ.

Почему же во второй разъ вы записали: Овсѣй?

— Такъ написалъ, вѣдь, самъ начальникъ.

— Давно служите сыщикомъ?

— Три года

— Какое впечатлѣніе производилъ на васъ Асланов, какъ начальникъ?

— Онъ казался человѣкомъ энергичнымъ, но, повидимому, неопытнымъ.

— Это бросалось въ глаза?

— Очень бросалось

Прис. пов. Гладковъ. Кто сказалъ вамъ, что фамилія задержаннаго Овсѣй, а не Целендеръ?

— Первымъ сказалъ это Зелло. Потомъ и Асланов.

— Вы утверждаете это?

— Кажется, первымъ—Зелло.

Въ виду запамятованія свид. оглашаются его показанія, данныя на предв. слѣдствіи. Тамъ Полѣщикъ указывалъ, какъ Асланов, видя запись въ „книгѣ привода" о Целендерѣ, „покривился" и на дознаніи написалъ объ Овсѣѣ, ни словомъ не упоминая о Целендерѣ.

Телеграмма, посланная приставомъ старокіевскаго уч. о побѣгѣ Целендера, въ сыскномъ отдѣленіи получена не была. „Я увѣренъ.—говорилъ Полѣщукъ слѣд.,—что эту телеграмму получилъ Асланов, но въ отдѣленіе ее не передалъ".

Зелло. И вы помните, что это именно я говорилъ съ вами первый о Целендерѣ?

— Да, помню.

По просьбѣ Зелло, Полѣщуку устраивается очная ставка съ агентами Падалкой и Мышевскимъ. Оба утверждаютъ, что во время привода Целендера Зелло вовсе не было въ отдѣленіи.

Зелло обращается къ Мышевскому:

— Полѣщукъ теперь служитъ въ сыскномъ отдѣленіи?

— Нѣтъ. Уволенъ.

— А не знаете, не состоитъ ли онъ подъ судомъ?

Предсѣд. устраняетъ этотъ вопросъ.

Судъ оглашаетъ протоколъ осмотра „книги привода". На стр. 27 значится: Целендеръ, Мовша Абрамъ Рахмилевъ. Надписано и затерто: Овсѣй. Запись помѣчена № 4506.

12 ноября 1907 г. записано: Овсѣй—по удостовѣреніи кракиновской мѣщанской упр., за кражу. Болѣе свѣтлыми чернилами сдѣлана ссылка на № 4506.

Далѣе, судъ удостовѣряетъ, что по книгамъ сыскной полиціи Целендеръ зарегистрированъ еще съ 1903 г.

Въ засѣданіи 30 сент. первымъ даетъ показаніе Целендеръ.

Амханицкій. Скажите, свид., кто васъ задержалъ въ театрѣ въ первый разъ?

— Зелло и еще какой-то агентъ...

— Былъ-ли при васъ какой-нибудь документъ?

— При мнѣ находился паспортъ, выданный кракин. мѣщ. управой.

— Подложный?

— (Вполнѣ спокойно). Да... подложный...

Целендеръ объясняетъ, что онъ протестовалъ противъ своего ареста въ сыскномъ отдѣленіи. Кричалъ, что онъ честный человѣкъ и будетъ жаловаться...

Амханицкій. И что же? вашъ крикъ подѣйствовалъ?

— Конечно!.. Асланов сталъ мягче и, вѣроятно, увидѣлъ, что ошибся...

Амханицкій. По дорогѣ изъ театра въ сыскное отдѣленіе вы не предлагали денегъ за освобожденіе?

— Я не могъ предлагать денегъ потому, что тогда признали бы меня за преступника...

Амханицкій. Во второй разъ съ краденой булавкой вы опять были доставлены въ сыскное отдѣленіе?

— Былъ доставленъ туда изъ дворц. участка.

— Ну, и что съ вами дѣлали въ отдѣленіи.

— Сначала меня сдали „писарю", тотъ записалъ, потомъ сфотографировали и отправили съ протоколомъ къ миров. судьѣ. Въ книгу меня записали Овсѣемъ. Настоящаго имени моего никто изъ агентовъ не зналъ.

Амханицкій. Какъ же могли не знать васъ? Вѣдь ваша карточка есть во всѣхъ отдѣленіяхъ?

— Есть. Но по карточкамъ трудно узнать. На одной карточкѣ есть борода, на другой—нѣтъ, на одной я снятъ въ очкахъ, на другой—безъ очковъ... Я разно ходилъ и разно снимался.

— Тѣмъ не менѣе агенты говорили вамъ, что вы Целендеръ, а не Овсѣй?

— Говорили потому, что они всегда, когда арестуютъ преступника, говорятъ, что знаютъ, кто онъ такой. Но я увѣренъ, что меня въ сыскномъ отдѣленіи никто не зналъ, такъ какъ изъ старыхъ агентовъ тамъ никого не было.

Амханицкій. Мир. судья вернулъ вамъ паспортъ?

— Да! Я потомъ жилъ по нему въ Варшавѣ, тамъ меня по нему и судили. Въ Варшавѣ я поселился, такъ какъ рѣшилъ заниматься честнымъ трудомъ, а не этимъ грязнымъ дѣломъ...

Амханицкій. Объясните, свидѣтель, почему Асланов и Зелло попали въ качествѣ свидѣтелей по вашему дѣлу у мирового судьи?

— Когда я былъ въ сыскномъ отдѣленіи, то слышалъ, что вечеромъ въ театрѣ были арестованы воры. Говорили, что арестовалъ ихъ Асланов. Я и попросилъ вызвать Асланова и Зелло свидѣтелями, такъ какъ меня задержали безъ поличнаго. Булавка, украденная у Бурштейна, была найдена на полу, а не у меня.

— Почему вы оказались въ город. театрѣ въ креслѣ нач. сыскного отдѣленія?

— У меня билета не было. Я далъ капельдинеру „на чай“, онъ мнѣ и указалъ кресло. Потомъ я узналъ, что это кресло принадлежало Асланову.

— Кѣмъ вы были арестованы въ третій разъ?

— Сыщикомъ Ткачомъ.

— Вы предлагали ему 250 р. за освобожденіе?

— Нѣтъ! (Смѣясь). Развѣ можно сыщику дать такія деньги. Если бы я предлагалъ ему деньги, то предложилъ бы сначала 5 р., потомъ сталъ бы торговаться, и за 25 руб. онъ освободилъ бы меня...

Амханицкій. Целендеръ ваша настоящая фамилія?

— Да! Овсѣй—это подложное имя. Я разно назывался. Въ Москвѣ меня судили, какъ Мулера...

Тов. прок. Скажите, у васъ былъ въ съѣздѣ защитникъ?

— Былъ... г. Извѣковъ...

— А ходатая по дѣламъ Бурштейна вы не приглашали для хлопотъ по вашему дѣлу?

— Нѣтъ!...

— И вы не знате его?

— Не знаю и никогда не видѣлъ. Я зналъ другого Бурштейна.

— Пом. прис. пов.?

— Да!... Это... мой потерпѣвшій.

Предсѣд. передаетъ свидѣтелю фотограф. карточку.—Вамъ эта карточка знакома?

Целендеръ долго осматриваетъ карточку, затѣмъ заявляетъ, что на ней изображенъ „самъ онъ“.

— Значитъ, ваша карточка была въ сыскномъ отд. и тамъ не могли васъ не знать?

Целендеръ опять всматривается въ карточку.

— Эта карточка снята была съ меня послѣ ареста въ театрѣ Крамского. Тогда я сошелъ въ отдѣленіи за Овсѣя.

Предсѣдат. Прочтите подпись...

Свид. читаетъ: „Целендеръ“...

— Прошу подвергнуть карточку экспертизѣ. Подпись сдѣлана значительно позднѣе того времени, когда она была снята. Это Красовскій устроилъ, онъ и Брейтманъ меня и въ дѣло всадили безвинно, и теперь я имѣю изъ-за нихъ 3 г. арест. ротъ.

Вызываются свид. Горчинскій и Корженевскій.

Они показываютъ, что надпись была сдѣлана тотчасъ послѣ фотографированія. Въ доказательство ссылаются на дату, имѣющуюся на карточкѣ: „12 ноября 1907 г.“ Горчинскій говоритъ, что онъ сдѣлалъ подпись. Но затѣмъ послѣ ряда вопросовъ со стороны защиты не настаиваетъ на своемъ утвержденіи, ссылаясь на „запамятованіе“.

— Во всякомъ случаѣ, заканчиваетъ свид., всѣмъ было извѣстно, что Овсѣй—Целендеръ.

Свид. Паламарчукъ, бывш. окол. надз. старо-кіевскаго уч., разсказываетъ объ арестѣ Герштейна.

Задержавъ послѣдняго, свид. отправился съ Герштейномъ въ сыскное отдѣленіе. Герштейнъ протестовалъ противъ ареста и обыска, ссылаясь то на Асланова, то на Бродскаго. По составленіи протокола, свидѣтель вызывалъ по телефону Зелло и просилъ оказать содѣйствіе къ облегченію участи арестованнаго, иначе де-онъ, Паламарчукъ, будетъ имѣть непріятности. Желая провѣрить объясненія Герштейна, указывавшаго на то, что его знаютъ въ гостинницѣ „Тавридѣ“, свидѣтель отправился туда съ арестованнымъ. Швейцаръ гостинницы удостовѣрилъ личность, вслѣдствіе чего Паламарчукъ освободилъ арестованнаго, задержавъ у себя паспортъ и найденныя при немъ деньги.

Тов. прок. Говорилъ ли Герштейнъ, что Асланов его хорошо знаетъ, и не просилъ ли онъ васъ отпустить его на этомъ основаніи?

— Говорилъ...

— Когда вы привели Герштейна въ участокъ, онъ просилъ васъ дать знать по телефону Асланову?

— Да!.. Но я не нашелъ нужнымъ удовлетворить его просьбу.

Свид. Шушеринъ разсказываетъ подробности ареста Герштейна.

Тов. прок. Герштейнъ просилъ сообщить Асланову относительно его ареста?

— Да!.. Онъ ссылался на знакомство съ начальникомъ.

Между прочимъ, свидѣтелю были заданы вопросы объ операціяхъ Зелло съ ломбардными квитанціями.

Свид. Шушеринъ разсказываетъ, что, по слухамъ, Зелло, завѣдывавшій наблюденіемъ за ломбардомъ, обыкновенно отнималъ у воровъ квитанціи, а ихъ самихъ прогонялъ, не задерживая; говорили, что Зелло былъ въ стачкѣ съ ворами...

Предсѣд.: послѣ Зелло наблюденіе за ломбардомъ было поручено вамъ?

— Да!..

— Никакихъ предложеній со стороны вамъ не дѣлали?

Дѣлали... Приходили воры и предлагали дѣлиться добычей, но я прогналъ ихъ, пригрозивъ задержать ихъ, если они еще разъ придутъ.

— Вы теперь служите въ сыскномъ отдѣленіи?

— Нѣтъ, уволенъ. Всѣ агенты, бывшіе при Аслановѣ, уволены.

Швейцаръ гостинницы „Марсель“, Цыганокъ показываетъ, что 10-го февраля пріѣхалъ въ гостин. Герштейнъ и прожилъ въ ней до 9 марта. Затѣмъ онъ пріѣхалъ 12 марта и прожилъ до 16 марта. 24-го февраля въ гостин. остановился Поповъ.

— Къ намъ въ гостинницу,—говоритъ свидѣтель,—часто заходилъ агентъ Зелло, бывая по нѣскольку разъ въ недѣлю у хозяина Фаера...

Тов пр.: А Асланов посѣщалъ гостинницу?

— Посѣщалъ.

— Бывали въ гостяхъ у Фаера бывш. начальн. сыскного отдѣленія Евтушевскій и бывш. полицій-мейстеръ Цихоцкій.

О посѣщеніяхъ Зелло Цыганокъ показываетъ:

— Въ первый пріѣздъ Герштейна въ февралѣ 1908 г. пришелъ Зелло и спросилъ: „дома ли № 83“ (номеръ Герштейна)? Я сказалъ: нѣтъ! Тогда Зелло отправился къ Фаеру. Былъ ли въ то время тамъ Герштейнъ—не знаю.

— Въ апрѣлѣ въ нашей гостинницѣ жилъ Асланов.

Послѣ перерыва оглашается показаніе Ивлева на предварит. слѣдствіи.

Въ своихъ показаніяхъ Ивлевъ разоблачилъ Асланова и Зелло въ цѣломъ рядѣ преступленій.

— Когда объ освобожденіи Герштейна стали ходить скверные для Асланова слухи, онъ приказалъ Ивлеву подать рапортъ, что Герштейнъ ему неизвѣстенъ, какъ воръ. Свидѣтель видѣлъ нѣсколько дней спустя, какъ Асланов въ пальто и шапкѣ сидѣлъ въ антропометрической комнатѣ и рылся въ карточкахъ, послѣ чего карточка Герштейна исчезла.

Кромѣ того, свид. показалъ, что Зелло имѣлъ сношенія съ ворами, часто бывалъ на хипесной кв. по Лютеранской ул. въ д. № 9 и тамъ, вмѣстѣ съ другимъ агентомъ Голлендеромъ, игралъ въ карты съ ворами, Герштейномъ, Сашкой-Полячкомъ и др.

Однажды свидѣтель арестовалъ хипеспицу Изель-

манъ. Но Асланов освободилъ ее и накричалъ на него.

Въ бытность Асланова нач. сыскного отд. показалъ судебному слѣдователю Ивлеву,—воры, пріѣзжая въ Кіевъ, оставляли вещи на вокзалѣ и затѣмъ отправлялись къ Асланову за разрѣшеніемъ жить и дѣйствовать въ Кіевѣ.

Въ залъ засѣданія вводятъ подъ конвоемъ, въ арестантской одеждѣ, бывшаго окол. надз. Шеповалова.

На вопросъ тов. пр., не онъ ли задерживалъ хипесницу Шмулевичъ, свидѣтель отвѣчаетъ:

— Да!

На дальнѣйшіе вопросы свид. даетъ уклончивые отвѣты.

Тов. прокур. напоминаетъ свидѣтелю показанія у судебнаго слѣдователя. Свид. называетъ эти показанія ложными, вынужденными полиціймейстеромъ Мартыновымъ и Любченко.

Предсѣд. Вы въ чемъ обвиняетесь?

— Въ подлогѣ съ покушеніемъ на мошенничество.

Въ засѣданіи 1 октября сторонами произнесены были рѣчи.

Тов. прокурора произноситъ 2-час. рѣчь.

Начиная ее, представитель обвиненія высказываетъ мнѣніе, что подсудимый Асланов и его защитникъ старались подорвать довѣріе къ нѣкоторымъ свидѣтелямъ—путемъ опроса объ ихъ судимости.

Товар. прок. находитъ этотъ способъ непрактичнымъ, ибо черпать доказательства приходится именно у этихъ свидѣтелей, за неимѣніемъ другихъ.

Представитель обвиненія переходитъ къ фактической сторонѣ дѣла и начинаетъ съ дѣла Целендера.

Разбирая всѣ три случая задержанія Целендера—и устанавливая всѣ обстоятельства, сопровождавшія это задержаніе, тов. прок. доказываетъ, что Асланов не могъ не знать, что передъ нимъ знаменитый „король воровъ“.

Далѣе представитель обвиненія группируетъ послѣдующіе, послѣ ареста Целендера, поступки Асланова и Зелло и приходитъ къ выводу, что оба обвиняемые именно старались освободить Целендера отъ преслѣдованія, скрыть его отъ правосудія.

Тов. прок. подробно останавливается на показаніяхъ Асланова и Зелло въ камерѣ мир. судьи и съѣзда мировыхъ судей и приходитъ къ заключенію, что Асланов и Зелло давали и тамъ и тутъ ложныя показанія, хотя и подъ присягой.

Переходя къ уликамъ противъ Асланова по дѣлу хипесныхъ воровъ, доказываетъ виновность Асланова во всѣхъ этихъ дѣлахъ и заканчиваетъ обвиненіемъ Асланова и Зелло въ полученіи отъ велосипеднаго клуба „дара“.

Наконецъ, тов. прокурора останавливается на выясненіи роли Зелло во всѣхъ „дѣлахъ“ и дѣлаетъ выводъ, что Зелло являлся вдохновителемъ и руководителемъ Асланова.

— Оба они,—говоритъ представитель обвиненія,—начали съ бездѣйствія власти и черезъ подлоги перешли къ лжесвидѣтельству.

Тов. прок. предвидитъ указанія защиты на общія условія, якобы доведшія обвиняемыхъ до преступленій.

— Эти указанія будутъ не по адресу,—ибо роль суда—роль не терапевта, а хирурга: если поражены какіе-либо члены человѣческаго организма, ихъ слѣдуетъ ампутировать. А въ случаѣ необходимости—и приложить къ пораженнымъ мѣстамъ раскаленное желѣзо...

Рѣчь С. С. Амханицкаго.

Гг. судьи и гг. сословные представители,—началъ свою рѣчь г. Амханицкій,—есть гнусное, отвратительное преступленіе. Одно представленіе о подобномъ преступленіи вызываетъ и порождаетъ презрѣніе къ подсудимымъ, брезгливость. Кажется, что прикосновеніе къ подобнымъ дѣламъ порождаетъ ужасъ. И кажется, что защитительныя слова въ пользу обвиняемыхъ въ подобныхъ гнусностяхъ имѣютъ значеніе надгробной пѣсни. Но это лишь кажется. Есть люди, въ сердцѣ которыхъ нѣтъ мѣста отвращенію. Одно призваніе ихъ исключаетъ представленіе о ненависти. Эти люди—вы, гг. судьи и гг. сословные представители.

Пусть общественное мнѣніе въ понятномъ возмущеніи и раздраженіи клеймитъ подсудимыхъ, но это не можетъ на васъ повліять. Пусть изъ-за спины вырисовываются мрачныя тѣни Целендера, Герштейна и др. Но эти подозрительные облики не скроютъ передъ вами правду, хотя бы она выросла на почвѣ „аслановщины“.

Пусть и самъ образъ Асланова будетъ окутанъ страшной мглой нравственной грязи, при видѣ которой кажется, что стоишь на краю бездны, но эта грязь не помѣшаетъ вамъ, гг. судьи, обладающимъ рентгеновскими лучами, освѣтить дѣло глубже.

И чья бы жизнь ни служила олицетвореніемъ даннаго судебнаго дѣла, у васъ, гг. судьи, одно лишь мѣрило сужденія: жизнь и условія этой жизни. Нѣтъ другихъ законовъ внѣ этой жизни, ибо никогда, никогда человѣку не измѣнить теченія дня и ночи и не ослабить силы палящихъ лучей солнца.

Перенесемся же мысленно, гг. судьи, въ тѣ мрачныя комнатки, которыя именовались кіевскимъ сыскнымъ отдѣленіемъ и гдѣ—какая иронія, какой ужасъ!—правосудіе творилось людьми, убѣгающими отъ уложенія о наказаніяхъ, убѣгающими отъ суда и слѣдствія; гдѣ полицейскіе протоколы провѣрялись и полицейскія сообщенія санкціонировались. И кѣмъ же?—Безшабашными Расплюевыми, не знавшими удержу Ноздревыми. Или чистенькими, прилизанными полицейскими Яго.

Переходя, далѣе, къ содержанію обвинительнаго акта, защитникъ находитъ, что та нравственная грязь, которая послужила этимъ содержаніемъ, хотя и относится къ 1907 и 1908 гг.,—въ сущности накопилась ужъ давнымъ давно.

Защитникъ затѣмъ находитъ, что для правильнаго освѣщенія личности самого Асланова, съ одной стороны, и выясненія роли наружной и сыскной полиціи съ другой,—необходимо разобраться въ подробностяхъ ареста и освобожденія Герштейна.

Защитникъ доказываетъ, что въ данномъ дѣлѣ Асланов поступилъ просто чрезвычайно легкомысленно: упустилъ вора Герштейна, основываясь на заявленіи околот. надзирателя Паламарчука, что Герштейнъ—по справкамъ Паламарчука—порядочный человѣкъ и купецъ.

Останавливаясь далѣе на послужномъ спискѣ Асланова и на свид. показаніяхъ, защитникъ приходитъ къ выводу, что Асланов попалъ совсѣмъ не на свое мѣсто, запявъ должность начальника сыскной полиціи, ибо совершенно не было къ ней подготовленъ.

Коснувшись, затѣмъ, дѣла Лехимана, защитникъ останавливается на обвиненіи Асланова въ покровительствѣ хипеснымъ ворамъ. Дѣлая подробный анализъ всего, относящагося къ этой части дѣла, г. Амханицкій сравниваетъ въ данномъ дѣлѣ Асланова съ наслѣдникомъ, получившимъ въ наслѣдство всего нѣсколько десятковъ рублей, и обязаннаго платить долги по старымъ взысканіямъ. Защитникъ объясняетъ, что подъ такимъ наслѣдствомъ онъ подразумѣваетъ старыя хипесныя гнѣзда, которыхъ даже Рудой не могъ уничтожить.

Въ заключеніе своей рѣчи защитникъ проситъ судъ не поддаваться впечатлѣнію обнаруженной незаконности и самовластія. Вѣдь судъ не можетъ и не долженъ удивляться въ этомъ случаѣ произволу; чины сыскной полиціи слѣдуютъ примѣрамъ чиновъ наружной полиціи, а эта послѣдняя и по историческимъ, и по фискальнымъ причинамъ повсюду вмѣшивается. Ибо полиція наша учреждена не на принципѣ довѣрія правительства къ общественнымъ си-

ламъ, какъ это усматривается въ судебномъ вѣдомствѣ. Обыватель ищетъ правды въ судѣ, но не въ полиціи.

Заканчивая свою рѣчь разборомъ дѣла Целендера, защитникъ высказываетъ глубочайшее недовѣріе къ тому, чтобы таковое чудовищное преступленіе могло быть совершено должностнымъ лицомъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ.

Подчеркнувъ затѣмъ тѣ общія условія, ту „аслановщину“, въ атмосферѣ которой приходилось дѣйствовать обвиняемому, Амханицкій проситъ особое присутствіе отнестись къ обвиняемому, уже пробывшему въ тюрьмѣ 18 мѣс., съ широкимъ снисхожденіемъ.

Защитникъ Зелло, прис. пов. Л. Н. Гладковъ, предупреждаетъ судъ, что защитительная рѣчь его будетъ не долга, ибо многое, очень многое въ дѣлѣ объ „аслаціадѣ“ исчерпалъ его коллега по защитѣ Амханицкій.

Разбирая изложенные въ обвинит. актѣ факты систематическаго полученія съ различныхъ преступниковъ денежныхъ „благодарностей“, взятокъ, защитникъ отрицаетъ это, указывая на полную не только матеріальную необезпеченность Зелло, но и просто на его убогость.

Далѣе защитникъ, анализируя данныя суд. слѣдствія и статьи улож. о нак., квалифицирующія всѣ преступленія Зелло, доказываетъ, что статьи эти не примѣнимы по настоящему дѣлу.

Заканчивая свою рѣчь, г. Гладковъ приходитъ къ выводу, что Зелло никакого вреда никому не принесъ, и еще разъ указываетъ на среду, въ которой жилъ Зелло, на среду, гдѣ нѣтъ правды, гдѣ лгутъ, обманываютъ.

Послѣ рѣчи прис. пов. Гладкова, тов. прок. заявляетъ о желаніи возразить защитѣ въ засѣданіи 2 октября.

Во время рѣчей защитниковъ Аслановъ и Зелло сильно плачутъ.

2 октября стороны обмѣнялись возраженіями, а затѣмъ

лымъ департаментомъ, а отпускалось на него всего... 5000 рублей въ годъ.

Я заявилъ графу: у васъ есть человѣкъ на примѣтѣ, назначьте его, а я не могу. Но меня оставили.

Сталъ я усердно входить въ ознакомленіе съ сыскными дѣлами. Но какія я имѣлъ матеріалы?— Лишь аттестаціи Рудого.

Я скажу правду: должность начальника сыскного отдѣленія была для меня новою. Скажу больше: я совсѣмъ дѣла не зналъ.

И я сталъ узнавать, что мои агенты идутъ рука объ руку съ ворами, карманщиками. Поймаетъ, напримѣръ, агентъ вора и тянетъ его въ сыскное. Тотъ молитъ: зачѣмъ вы это дѣлаете? И... суетъ агенту 2—3 руб. Агентъ, разумѣется, беретъ и отпускаетъ вора. Буду откровененъ: я возмущался этимъ, преслѣдовалъ агентовъ, но въ душѣ у меня было другое: я не могъ строго судить агентовъ. Вѣдь, они, часто многосемейные, получали всего по 20 рублей въ мѣсяцъ. Вѣдь я получалъ—смѣшно сказать, 50 рублей въ мѣсяцъ. И платилъ за квартиру я, начальникъ такого учрежденія, по 10 руб. въ мѣсяцъ. А вотъ агентъ Ивлевъ платилъ за квартиру 40 руб. въ мѣсяцъ и имѣлъ піанино.

Перейду, однако, къ болѣе существенному. Какъ я уже говорилъ, я былъ всегда сильно занятъ и долженъ былъ подписывать многія бумаги, часто не читая ихъ. И я удивляюсь, что не попался еще сильнѣе, чѣмъ теперь.

Подписывалъ я бумаги, работалъ, не покладая рукъ. И вдругъ—днемъ я еще исполнялъ обязанности начальника, а вечеромъ меня арестовали. За что?

Гг. судьи! Я не хочу рисоваться. Но и не могу умолчать о моемъ отношеніи къ людямъ. Явилась какъ то ко мнѣ курсистка, плачетъ Разсказываетъ о кражѣ у ней ея послѣдняго достоянія, свадебнаго подарка (она за нѣсколько дней до кражи вышла замужъ за студента)—85 р. Отъ волненія она упала въ обморокъ.

Предъявляли ей разныхъ воровъ. Двухъ она опо-

ваемы безъ согласія землевладѣльца». А. Штофа, однако, не былъ заслушанъ, аявленія предсѣдателя т. с. Лоранскаго, ъ торговли и промышленности В. И. Тиказался дать руководящія указанія по орной свободѣ.

—

елярію министра юстиціи ежедневно по-

существующихъ штрафовъ со стороны, оказавшейся неправой, то комиссія высказалась за желательность уничтоженія ихъ и за замѣну ихъ установленіемъ особыхъ пошлинъ, подобныхъ судебнымъ пошлинамъ, въ общихъ гражданскихъ судахъ.

Далѣе, институтъ присяжныхъ стряпчихъ, по мнѣнію комиссіи, долженъ быть упраздненъ; присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ предоста-

я разрабать
Проектъ А.
въ виду з
что министр
мирязевъ с
вопросу о

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты постановилъ въ послѣднемъ своемъ засѣданіи образовать **комиссію для разработки вопроса о правильной организаціи безплатныхъ защитъ** въ петербургскомъ окружномъ судѣ.

Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе сдѣланнаго въ прошломъ году заявленія присяжныхъ засѣдателей о замѣченныхъ ими дефектахъ безплатныхъ защитъ. Въ составъ комиссіи вошли прис. повѣренные Л. А. Базуновъ, М. В. Бернштамъ и А. С. Зарудный и помощники прис. повѣренныхъ А. Ф. Керенскій, А. М. Кругляковъ и А. Л. Соколовскій.

—

Комиссія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты выработала на-дняхъ **новыя правила о безплатныхъ уголовныхъ защитахъ** въ с.-петербургскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ.

Комиссія назначаетъ на каждый день засѣданія уголовнаго отдѣленія съѣзда защитниковъ по дѣламъ, влекущимъ за собою тюремное заключеніе, и увѣдомляетъ назначенныхъ помощниковъ прис. повѣр. не позже, какъ за мѣсяцъ до слушанія дѣла. Защитникамъ выдается удостовѣреніе, по предъявленіи котораго они допускаются къ обозрѣнію дѣлъ въ канцеляріи мирового съѣзда. Защитникъ, не имѣющій возможности прибыть въ засѣданіе съѣзда, обязанъ замѣнить себя кѣмъ либо изъ товарищей, извѣстивъ объ этомъ предсѣдателя съѣзда. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ, нарушившіе выработанныя правила, привлекаются къ дисциплинарному суду. Лица, исполняющія обязанности защитниковъ по назначенію комиссіи, не вправѣ получать какое-либо вознагражденіе.

—

Агентъ новгородскаго сыскного отдѣленія, желая выпытать у послушника валдайскаго монастыря Зайцева признаніе въ похищеніи 40.000 рублей, **выдалъ себя за присяжнаго повѣреннаго.** Возмущенная подобнымъ фактомъ, мѣстная адвокатура сообщила о немъ нѣкоторымъ депутатамъ. Послѣдніе хотятъ сдѣлать запросъ въ государственной думѣ о такомъ небываломъ сыскномъ пріемѣ.

—

Въ Семипалатинскѣ въ настоящемъ году открылось сыскное отдѣленіе, которое вскорѣ по открытіи пріобрѣло въ городѣ необычайную извѣстность. Судя по разсказамъ лицъ, побывавшихъ подъ арестомъ въ сыскномъ отдѣленіи, начальникомъ его, Кутахомъ, организована настоящая **система пытокъ и истязаній**, въ которыхъ дѣятельное участіе принимаютъ нѣкоторые изъ полицейскихъ приставовъ. Арестованныхъ возятъ ночью за городъ на островъ и, чтобы вынудить сознаніе, жестоко бьютъ, подымаютъ кверху и бросаютъ на землю, душатъ, грозятъ убить и т. п. Ходятъ невѣроятные разсказы о резинахъ и даже какихъ-то инструментахъ. Словесныя и письменныя жалобы, подававшіяся мѣстному прокурору, до сихъ поръ никакого результата не имѣли. Кутахъ и его сподвижники продолжаютъ «служить» и цинично предлагаютъ избитымъ жаловаться на нихъ «хоть архіерею». Въ особенности весь городъ былъ взволнованъ недавнимъ арестомъ одного торговца, обратившагося къ прокурору. Медицинское освидѣтельствованіе торговца вполнѣ подтвердило его жалобу. Въ дѣлѣ этомъ интересна еще слѣдующая подробность. Вмѣстѣ съ торговцемъ былъ арестованъ одинъ мѣщанинъ, мать котораго, узнавъ объ избіеніи сына, подала жалобу прокурору, но отъ арестованнаго сына тотчасъ же (до разслѣдованія дѣла!) поступило заявленіе, что мать вретъ и его никто не билъ. По освобожденіи мѣщанинъ объяснилъ, что подать такое заявленіе его заставилъ, путемъ угрозъ, Кутахъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ подъ арестомъ до того запуганы, что нѣтъ ничего невѣроятнаго, если при разслѣдованіи дѣла мѣстной полиціей заявятъ о своемъ полномъ благополучіи... Между тѣмъ, въ городѣ всѣ увѣрены, что независимое отъ мѣстныхъ вліяній слѣдствіе могло бы раскрыть страшныя подробности утвердившейся у насъ системы пытокъ и истязаній.

—

Жителемъ м. Дунаевецъ, подольской губ. Клигманомъ подана на-дняхъ предсѣдателю каменецъ-подольскаго окружнаго суда жалоба на неправильныя дѣйствія судебнаго слѣдователя 2-го участка ушицкаго у. Кобелковскаго при производствѣ слѣдствія по дѣлу жалобщика.

Сущность жалобы Клигмана сводится къ тому, что **слѣдователь** Кобелковскій въ своей камерѣ, въ теченіе болѣе часа, **издѣвался** въ лицѣ жалобщика надъ евреями и оскорблялъ національныя чувства жалобщика. Между прочимъ, г. Кобелковскій употребилъ, по словамъ жалобщика, слѣдующія выраженія: «ваша паршивая нація», «вашъ паршивый талмудъ научилъ васъ мошенничеству», «всѣ евреи—мошенники и живутъ однимъ обманомъ», «проклятая нація»...

Кромѣ этого, слѣдователь Кобелковскій высказалъ жалобщику предположеніе, что его свидѣтели по дѣлу получаютъ отъ него по 5 р. за свои показанія. Все это, по словамъ Клигмана, происходило въ присутствіи письмоводителя, слѣдователя, а также бывшаго въ корридорѣ камеры постороняго свидѣтеля.

Считая себя оскорбленнымъ такими дѣйствіями слѣдователя Кобелковскаго Клигманъ просилъ предсѣдателя окружнаго суда о привлеченіи слѣдователя къ законной отвѣтственности, а также о передачѣ его, жалобщика, дѣла въ руки другого слѣдователя.

—

Въ государственную думу внесена смѣта министерства вн. дѣлъ, касающаяся кредитовъ на ссыльныхъ, главнымъ образомъ, политическихъ, на 1910 г.

Къ смѣтѣ приложена объяснительная записка, содержащая довольно любопытныя цифры.

Въ данное время въ наличности состоитъ 22.568 политическихъ ссыльныхъ. На содержаніе поднадзорныхъ испрашивается на 1910 г. 1.679.042 руб., въ томъ числѣ 56.350 руб. для 245 ссыльныхъ въ якутской области, 106.176 руб. для содержанія 632 поднадзорныхъ въ енисейской и иркутской губерніяхъ, 1.225.803 руб. для ссыльныхъ архангельской, вологодской, вятской, олонецкой, пермской, тобольской, томской, губерній и уральской области; въ послѣднихъ находятся 804 поднадзорныхъ изъ привилегированнаго состоянія и 13.368 ссыльныхъ простого званія.

Принимая во вниманіе увеличеніе надзора за политическими ссыльными, которое обойдется казнѣ на 91.632 руб. дороже по сравненію съ прошлымъ годомъ,—и разные непредвидѣнные расходы,—общая смѣта на содержаніе ссыльныхъ будетъ исчислена въ 2.173.492 руб. —

Въ Сараговѣ, приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Кисляковымъ, осужденнымъ по дѣлу объ убійствѣ и ограбленіи двухъ монахинь въ Балашовѣ. —

Въ Саратовѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Адріановымъ и Самсоновымъ, обвиненными въ убійствѣ въ балашовскомъ уѣздѣ домовладѣлицы Терентьевой и ея горничной.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 29-е окт., по 1 отд. угол. касс. д-та.

Жалобы: Медвѣдева екатеринодарск. м. с. 288 ул.; Демина саратовск. м. с. 169 уст.; Чиндина саратовск. о. с. 1534 ул.; Котова армавирск. м. с. 1483 ул.; Тищенко екатеринодар. м. с. 149 уст.; Юдина астраханск. о. с. 1451 ул.; Бѣличенко майкопск. м. с. 31 уст.; Куприновыхъ екатеринодарск. м. с. 131 уст.; Никитиной темрюкск. м. с. Бородина 136 уст.; Горькуши темрюкск. м. с. 1483 ул.; Комаева пензенск. о. с. 170[1] уст.; Длужевскаго майкопск. м. с. 142 уст.; Жеваго екатеринославск. о. с.; Мирскаго минск. о. с.; Кіаевской харьковск. о. с.; Корсуновой харьков. о. с.; Гутмана 1 радомск. м. с.; Федорова архангельск. о. с.; Поздѣева сарапульск. о. с.; Богомазовой саратов. о. с.; Кагана староконстантинов. м. с.; Пеньковскаго екатеринодарск. м. с.; Пенксы 2 ломжинск. м. с.; Пасимскаго спб. о. с.; Мельникова темрюкск. м. с.; Шиховскаго варшав. гор. м. с.; Гершенкопа житомірск. м. с.; Улыбина московск. ст. м. с. (2 дѣла); Браво ковенск. о. с.; Болтянскаго елисаветградск. о. с.; Шеревскаго 1 ломжинск. м. с.; Бѣльскаго тверск. о. с.; Семенова харьковск. м. с.; Вайденбауль варшавск. гор. м. с.; Гольдбарга кишиневск. о. с.; Фидора варшавск. гор. м. с.; Пиковъ виленск. о. с.; Горовича варшав. гор. м. с.; Бинке 1 варш. м. с.; Аберсонъ могилевск. о. с.; Чиркина саратовск. о. с.; Круца одесск. гор. м. с. (2 дѣла); Дербандинера кишиневск. о. с.; Широкаго екатеринодарск. м. с.; Пековскаго и др. газ.-гробин. м. с.; Бѣлицкаго полтавск. о. с.; Елагова екатеринодарск. м. с.; Мазура новоградволынск. м. с.; Литовской каневск. м. с.; Грибовой калужск. о. с.; Гаврикова екатеринослав. о. с.; Мурри пер.-феллинск. м. с.; Меркеля фридр.-иллукстск. м. с.; Пиллирога р.-гапсальск. м. с.; Пѣвчиной полтавск. о. с.

Протестъ: тов. прок. ревельск. о. с.—ревельскогапсальск. м. с.; Геннингъ въ наруш. уст. объ акц. сбор.

На 30-е октября, по 2 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Трессъ спб. о. с. 1655 ул.; Шмуклера гродн. о. с. 977 ул.; Бѣликова кіев. м. с. 1483 ул.; Мазурека луцк. м. с. 115 уст.; Гуральшига уманск. м. с. 177 уст.; Ламовой ольгопольск. м. с. 169 уст.; Бильши вилен. о. с. 1483 ул.; Яковлева псковск. о. с. 1483 ул.; Домбровской 2 сувалк. м. с.; Поляковой и др. житомірск. м. с. 172 уст.; Сабурова иркутск. с. п.; Ященковъ и др. кіев. о. с. 1523 ул.; Черника казан. с. п.; Погребижскаго черк. м. с. 172 уст.; Зитермана житом. о. с. 1692 ул.; Зориной херсон. о. с. 172 уст.; Зака могил. о. с. 169 уст.; Асмусъ великолуцк. о. с. 1487 ул.; Кобала и др. уманск. м. с. 169 уст.; Муляра-Данишака житом. м. с. 169 уст.; Мищенко винницк. о. с. 225 ул.; Швайгера каменецк. м. с.; Авербуха кишиневск. м. с. 180[2] уст.; Швагеръ и др. варш. гор. м. с.; Швагеръ каменецк. м. с.; Бронфера и др. винницк. о. с. 1670 ул.; Афанасьева спб. о. с. 1643 ул.; Брауна варш. с. п. 1484 ул.; Туза и др. кременецк. м. с. 31 уст.; Бѣлаго уманск. о с.—Городовскаго по 940 ул.; Мельника таращанск. м. с. 1483 ул.; Удода-Сокура кіев. м. с. 173 уст.; Ледвигъ гродненск. о. с. 288 ул.; Еремѣева симфероп. о. с. 1483 ул.; Отруховой василък. м. с.—Лапидусъ 180[2] уст.; Покосенко симфероп. о. с. 172 уст.; Быковскаго балтск. м. с. 172 уст.; Ледвиговъ гродн. о. с. 1483 ул.; Дзивака ровенск. м. с. 131 уст.; Овсинаго ольгопольск. м. с. 177 уст.; Стременюка ольгопольск. м. с. 170 уст.; Косаря летичевск. м. с. 177 уст.

Протесты: тов. прок. кіевск. о. с. Фещенко-Чоповскаго 1454 ул.; кіевск. о. с. Халамана 1489 ул.; петрозаводск. о. с. Пошева 1655 ул.

На 30-е окт. по 3 отд. уг. касс. д-та.

Жалобы: Гейдеманъ ю. верроск. м. с. кража; Гринкиныхъ в.-вейсенштт. м. с. 38 уст.; Стакельберга в.-вейсенштт. м. с. Линде 142 уст.; Варгиной московск. ст. м. с. Матюхина по 173 уст.; Глиздина м.-баусск. м. с. 142 уст.; Бургиса г.-гробинск. м. с. 180 уст.; Узафа р.-гапс. м. с. 169 уст; Дзвонковскаго у.-медвѣд. м. с. 136 уст.; Иванова пензенсо. о. с. нар. пробир. уст.; Фридмана балтск. м. с. 73 уст.; Козлова казанск. м. с. 142 уст.; Стрика ю.-верроск. м. с. Соонвальдта въ кражѣ; Коганова вятск. о. с. 567 ул.; Усенко и др. лубенск. о. с. 170 уст.; Тепловскаго саратовск. с. п. 1175 ул.; Ширяева и др. костромск. о. с. 1484 ул.; Титова костромск. о. с. 567 ул.; Прима лубенск о. с. 1525 ул.; Дробышевыхъ смоленск. о. с. 169 уст.; Моисеева смоленск. о. с. 170 уст.; Травкина и др. смоленск. о. с. 170 уст.; Климовича спб. ст. м. с. 38 уст.; Ротбаума варш. гор. м. с. 26 уст.; мещеринск. бирж. артели москов. ст. м. с. Ажеринкова и др. 142 уст.; Ферберга и др. московск. о. с. 1545 ул.; Кессельбренеръ ровенск. м. с. 29 уст.; Бабкина симбирск о. с. 1386 ул.; Мевесъ москов. ст. м. с. 287 ул.; Вольдсона ю.-верроск. м. с. 132 уст.; Ашкинази варш. гор. м. с. 47 уст.; Гутмана спб. ст. м. с. 142 уст; Коммурджіева ростов.-н/Д м. с. 1357 ул.; Лавьялова ростов.-н/Д. м. с. 180 уст; Панченко ростов.-н/Д. м. с. Васильченковыхъ по 142 уст.; Калайса в.-вейсенштт. м. с. 1483 ул.; Паханова москов ст. м. с. 135 уст.; Жулидова спб. ст. м. с. 1485 ул., Павлова и др. спб. ст. м. с. 180 уст.; Геросиной калужск. о. с. 170 уст.; Колпаковой и др. москов. ст. м. с. 169 уст.; Метелкина москов. ст м. с. Голышева по 173 уст.; Детмеритъ москов. ст. м. с. 139 уст.; Бланитъ в.-валкск. м. с. 169 уст.; Лейкмана р.-гапсальск. м. с. 170 уст.; Опинченковыхъ ростов.-н/Д. м. с. 31 уст.; Пярника в.-вейсенштт. м. с. 1483 ул.; Стальчевича р.-вольмарск. м. с. 169 уст.; Валихляровыхъ и др. уфим. о. с. 830 ул.; Карасовыхъ костромск. о. с. 1489 ул.; Голубя полтавск. о. с. 1657 ул.; Бѣлкова казанск. о. с. 1681 ул.; Дреля бердичевск. м. с. 29 уст; Фейдельмана каменецк. м. с. 29 уст.; Тринца таганрогск. м. с. 31 уст.; Олейника и др. екатеринослав. о. с. 169 уст.; Авдощенко москов. ст. м. с. 29 уст.; Лаблайка р.-вольмарск. м. с. 142 уст.; Барона в.-гольдингенск. м. с. 288 ул.; Якоба в.-гольдинген. м. с. 581 ул.

Протестъ: тов. прок. уфимск. о. с. Лихачева и др. 309 ул.

На 29-е октября, по 4 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Денковъ варш. с. п. 1484 ул.; Щеснюка и др. варш. с. п. 1484 ул; Ильдаръ-оглы тифлисск. с. п. 1455 ул.; Бѣлоусова сарат. с. п. 1480 ул.; Якубовича 3 петроков. м. с. 512 ул.; Лангера и др. 2 каш. м. с. 142 уст.; Бѣляка и др. варш. с. п. 1480 ул.; Мылки кіев. с. п. 1466 ул.; Алапановой новочерк. с. п. 1585 ул.; Палюха 1 люблинск. м. с. 169 уст.;

Калиша 2 кѣлецк. м. с. 174 уст.; Вегнера варш. с. п. 271 ул.; Роговскаго и др. варш. с. п. 1621 ул.; Эйнгорна варш. с. п. 1647 ул.; Юрьева моск. с. п. 342 ул.; Коляловича спб. с. п. 1535 ул.; Грибченкова москов. с. п. 285 ул.; Ружицкаго 3 петроковск. м. с. 135 уст.; Войновскаго варш. с. п. 1483 ул.; Томашевскихъ и др. 1 плоцк. м. с. 172 уст.; Шпикера вен.-валкск. м. с. 155 уст.; Балана мит.-бауск. м. с. 155 уст.; Гросбаха 2 варш. м. с.—Мушинскаго 177 уст.; Никлевича и др. варш. с. п. 129 ул.; Эрглиса спб. с. п. 269[1] ул.; Вострошина иркут. с. п. 285 ул.; Шестоперова омск. с. п. 286 ул.; Тульмана варшавск. с. п. 285 ул.; Сорокина иркутск. с. п. 1483 ул.; Сластенникова одесск. с. п. 1535 ул; Тихановичъ-Савицкаго саратов. с. п. врем. прав. о поврем. изд.; Кузьмина казанск. с. п. 1535 ул.; Витвицкаго спб. с. п. 1034[4] ул.: Бланкенбурга спб. с. п. 345 ул.; Пендзишей и Ржепецкаго варш. с. п. 1464 ул.; Каца виленск. с. п. врем. прав. о поврем. изд.; Пильковскаго варш. с. п. 172 уст.; Ващенко-Захарченко кіевск. с. п. 1039 ул.; Морозова харьков. с. п. 1085 ул.; Коробкова иркут. с. п. 172 уст.; Данилевича варш. с. п. 169 уст.; Нарбекова московск. с. п. 132 уг. ул.; Эйберга спб. с. п. 1468 ул.; Волчка виленск. с. п. 1466 ул.; Серватовича варш. гор. м. с. Саскаго и др. 136 уст.; Чайковскаго варш. гор. м. с. кража; Тадеусака 3 петроковск. м. с. 134 уст.; Леберо 1 петроковск. м. с. 115 уст.; Зюзина иркутск. с. п. 1465 ул.; Чуперляха варш. с. п. 1534 ул.; Сороко виленск. с. п. 126 уг. ул.; Нейдорфа спб. с. п. 1657 ул.; Раджабъ-оглы тифлисск. с. п. 1455 ул.; Бранштейна житомірск. м. с. поруб. лѣса; Вене юр.-верроск. м. с. 155 уст.; Веленовскаго варш. с. п. 1657 ул.

Протестъ: тов. прок. иркутск. с. п. Кочкина 987[1] ул.

Дѣла о возобновленіи: о Добковскомъ, Сорокинѣ.

На 27-е октября, по апелл. отд. угол. касс. деп.

Отзывы: Колюбакина харьков. с. п. 132 уг. ул.; Кащенко харьковск. с. п. 354 ул.

Протестъ: тов. прок. харьковск. с. п. Гаврилова 103 уг. ул.

На 26-е октября, по 1 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: упр. жел. дор. съ спб. компан. „Надежда“, восточнымъ обществомъ товарныхъ складовъ, Чеславскимъ, Сухановымъ (безъ разсмотрѣнія), Бахаремъ (безъ разсмотрѣнія), Дмитріевымъ, Рапниками, Нахуцурашвили (безъ разсмотрѣнія); упр. забайкальской жел. дор. съ Кувшиновой; общ. рязанско-уральской жел. дор. съ Дуневичемъ и Зильберманъ, русск. торгово-промыш. ком. банк., Гусаровымъ (безъ разсмотрѣнія); Дуневичъ съ общ. рязанско-уральской желѣзной дороги 2 дѣла; общества юго-восточн. жел. дор. съ Андреевымъ, Галиловымъ.

Съѣздовыя: упр. жел. дор. съ Голубчикомъ и Виленкинъ, торговымъ дом. „Луи Дрейфусъ и К[ое]“, Сегалемъ, Пумпянскимъ, Биренбаумомъ 2 дѣла и пр., Левинсономъ, Бѣлопольскимъ, Вольфомъ, Файнштейномъ и Тульчинскимъ, Троецкимъ, Левковичемъ, Шимановичемъ; упр. привис. каз. жел. дор. съ Шерешевскимъ, Шайкевичемъ и Вертансомъ, Берковичемъ; Линковича, Слуцкина и Гинзбурга съ упр. риго орловской жел. дор.; Фукса съ I-мъ общ. подъѣздныхъ путей въ Россіи; общ. московско-Броништейна съ Даценко; Святки съ Нѣмичевыми; Базилевича съ Крячковой; товар. „В. И. Бередниковъ С.“ съ тов. Сорокера; Прянишникова съ Покидинымъ; Павловой съ Ковригинымъ; Карповича съ Журавской; Носовца съ Балахно; Эліаша съ Каминскимъ 2 дѣла; общ. кр. м. Пятки съ Терещенко; Широкова съ Черняткинымъ; Никифорова съ Кобразовымъ; тихановскаго сельскаго общ. съ Даньковскимъ сельск. общ.; Луцкевича съ Бомбюкъ 2 дѣла; Душакъ съ Добротворской; Боровитинова съ Грѣшновымъ; Гинзбурга съ Лавровымъ; Романцовыхъ съ Эллинской; Яковлева съ Корольковымъ; Устименко съ Тарновскимъ; Мяновскаго съ Кейзеръ; товар. „П. Бѣляева“ съ Богдановымъ; Колумбиса съ Носовымъ; Болдырева съ Мартазовымъ; Френкеля съ Бржозовскимъ; Пучко съ Кельбергомъ; Омельчука съ Бубновымъ; Сускаго съ Смоневскимъ; Добрянскаго съ Самсоновымъ; Красовскаго съ Исаковымъ; Шпака; Кузиной съ Траверсу.

На 28-е октября, по 3 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: виленскаго земельнаго банка съ Садовниковымъ; Конде-Марквотъ-Рейнгартенъ съ Попизовскимъ: Анушъ съ Константиновичъ; Бахраха съ опекою Шифа 2 дѣла; Николаевыхъ съ орловской духовной консист.; Родзевича съ минскимъ управл. госуд. имуществъ; Рыжинскихъ съ Гордѣевыми.

Съѣздовыя: Ледоховской съ Каминской; Марцинюка съ Кизютою; Мошана съ Шильманомъ; Эпштейна съ Эпштейнъ; Василюка съ Дриги; Федоркова съ Клоковымъ; покровско-кирѣевскаго с. общ. съ Павловымъ; Ерусалимскаго съ екатеринопольскимъ с. общ.; Колотушкина съ Кушнаревымъ; Баранца и др. съ Рѣпкою; Кувардина съ Константиновымъ; Гуляницкаго съ общ. с. Лозъ; Кремера съ Баженовой; Хорошилова съ Оатъ; общ. кр. м. Стрижевки съ гр. Грохольскимъ; Шерепы съ Ященко; Ковлера съ Хаитомъ; Ковальчука съ общ. с. Кикишевки; гниловскаго станичн. общ. съ Абрамовымъ; Чеботарскаго съ Левицкимъ; Шукевичей съ Вайнштейнъ-Виноградовой; Гольдфарба съ гр. Потоцкимъ; Гробманъ съ Вабаками; Бѣлоусовой съ Галиновской; Ямпольскаго съ Фишеромъ; част. жал. Аверченкова по д. съ Ефимовымъ и др.; част. жал. Пугачева по д. съ Шамраями и др.

На 29-е октября, по 4 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: общ. кр. г. Золочева съ Олейникомъ; Прушинскаго съ общ. с. Козетъ; Романченко съ Романченко; Булгакова съ Апостоломъ; конкурсн. упр. Бергаубтера съ конк. упр. Жарновской; Трескина съ Трескиной, Полякова съ Поляковой; Константиновичъ съ Макаровичъ.

Съѣздовыя: Шостака съ Дорогонюкомъ; Гейзберга съ Череванскимъ, Лященко и др.; Владыкина съ Владыкиной; Родзянко съ Тулесомъ; Швыдкова съ Швыдковой; общ. кр. с. Урусовъ съ Новоженовымъ; Кевчіанца съ Ревва; Семенцева съ Поповымъ; Волка съ Дидикомъ; Борейко съ Волько-Финкелемъ; Гумбинера съ Овчинниковыми и др; Тромбецкаго съ Шапоренко; Молодцова съ Яковлевымъ; Михайлова съ Михайловой; Левченковъ съ Дворниковыми; Иванова съ Мосоловымъ; Валентиновича и Запасника съ Лихштельдомъ; Завадовскаго съ Смирновымъ; общ. новогригорьевскаго съ Борще

Надженко, Маріей Яковлевою.	Драгунову, Александру Иванову.	С. о. 17 сент. № 75. У кіевск. нот. Шенфельда, 22 сент. 1908 г. № 16647. Р. IV, ст. 368.	Кіевск. о. с.
Османъ-оглу Мустафы опек. надъ имущ. вд. его Азиме, доч. Махмута Афруза Эфенди.	Бурче, Ильѣ Яковлеву, мѣщ.	С. о. 14 сент. № 74. У симферопольск. нотар. Шлее, 27 авг. 1904 г. № 1874. Р. IV, ст. 361.	Симферопольск. о. с.
Особ. отдѣл. государств. дв. зем. банка.	Филиппову, Петру Дмитріеву, пр. повѣр.	С. о. 17 сент. № 75, 27 марта 1893 г. № 2847. Р. IV, ст. 365.	Кіевск. о. с.
Особ. отдѣл. государств. дв. зем. банка.	Филиппову, Петру Дмитріеву, пр. повѣр.	С. о. 17 сент. № 75. У спб. нот. Иванова, 27 апр. 1891 г. № 3110. Р. IV, ст. 366.	Кіевск. о. с.
Правлен. бывш. о-ва взаимнаго позем. кредита.	Филиппову, Петру Дмитріеву, пр. повѣр.	С. о. 17 сент. № 75. У спб. нот. Иванова, 18 іюня. 1890 г. № 2408. Р. IV, ст. 367.	Кіевск. о. с.
Поляковою, Лидіею Клементьевою.	Полякову, Алексѣю Платонову, полковн.	С. о. 14 сент. № 74. У сухумск. нот. Гегелашвили, 4 февр. 1909 г. № 170. Р. IV, ст. 358.	Таганрогск. о. с.
Рѣзаковымъ, Финаэсомъ Іосифовымъ, куп.	Филипповскому, Павлу Алексѣеву, пом. пр. и вѣр.	С. о. 14 сент. № 74. У владикавказск. нот. Трике, 16 янв. 1906 г. № 169. Р. IV, ст. 357.	Владикавказск. о. с.
Рискеромъ, Хаимомъ Михелевымъ, купц.	Певзнеру, Гиршу Абрамову, мѣщ.	С. о. 14 сент. № 74. У рижск. нот. Керсновскаго, 21 апр. 1908 г. № 3848. Р. IV, ст. 360.	Смоленск. о. с.
Сонхоцкою, рожд. Іогансенъ, Еленою Юльевой, дв.	Домонтовичъ, Ларисѣ Яковлевой, вд. г. отъ кавал.	С. о. 14 сент. № 74. У спб. нот. Забѣльскаго, 17 декабря 1908 г. № 12451. Р. IV, ст. 354.	Спб. о. с.
Футоряпскимъ, Симономъ Мордухъ Гершоновымъ.	Гершензо, Исааку Симхову.	С. о. 14 сент. № 74. У кіевск. нотар. Цытовича, 11 февр. 1909 г. № 1200. Р. IV, ст. 359.	Кіевск. о. с.
Чуиновымъ-Чуиномъ, Гершономъ Яковлевымъ, мѣщ.	Пясецкому, Іосифу Іосифову, прусск. подд.	С. о. 14 сент. № 74. У спб. нот. Арцыбушева, 21 янв. 1909 г. № 491. Р. IV, ст. 353.	Спб. о. с.
Черкасскою-Погорѣлою, Анною Іосифовою и Троспольскою, Александрою Николаевою, опекуниш. надъ имущ. малолѣтн. Ивана, Константина и Нины Николаевыхъ Черкасскихъ-Погорѣлыхъ.	Черкасскому, Сергѣю Андрееву, частн. повѣр.	С. о. 17 сент. № 75. У овруч. нот. Ольшанскаго, 9 іюня 1904 г. № 1630. Р. IV, ст. 363.	Житомірск. о. с.
Хотьковскимъ, Брониславомъ Игнатьевымъ, мѣщ, и б. куп. сын. Черномашенцевымъ, Митрофаномъ Николаевымъ.	Хотьковской, Аннѣ Адамовой.	С. о. 17 сент. № 75. У красноярск. нот. Ставровскаго, 2 апрѣля 1909 г. № 1387 Р. IV, ст. 364.	Красноярск. о с.

Издатель приватъ-доцентъ: В. М. Гессенъ. Отвѣтственный редакторъ: І. Е. Фриде.
Типографія товарищества „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.